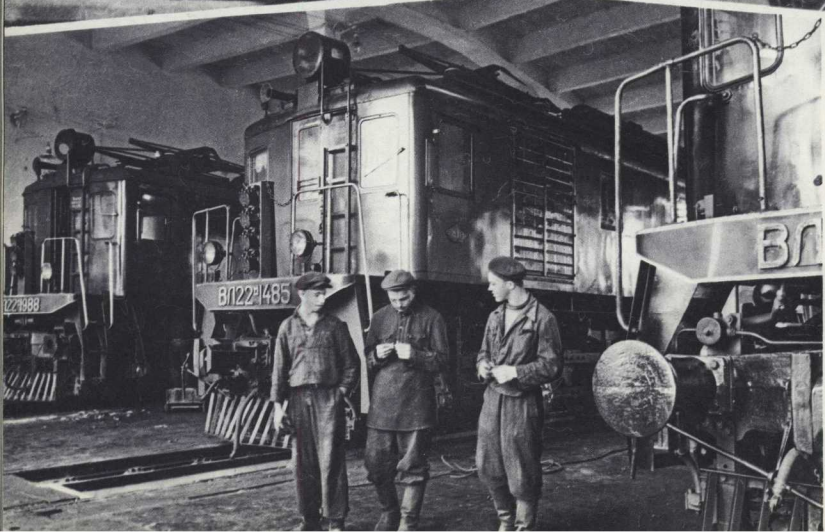

СМЕНА

22

1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Мастер цеха коммунистического труда Владимир Станявич.

Год назад, в ноябре 1958 года нашу страну облетела весть о новом патристическом значении: молодые тепловозоремонтного цеха дело Москва-Сортировочная рашла жить и работать по-коммунистически. Инициативу московских железнодорожников поддержали молодые металлурги и строители, текстильщики и шахтеры, шинностроители и химики. Из искры разгорелась пламя — могуче пламя небывалого соревнования, которое зангло миллионы юных сердец.

И открытие исторического XXI съезда нашей партии в соревнование за высокое право называться бригадами коммунистического труда вступило 35 тысяч коллективов. Сегодня их больше 130 тысяч. Ряды молодежи, решившей жить и работать по-демократически, растут и крепнут.

Стремление добиться наиболее высокой производительности труда, творчески относиться к делу, овладеть знаниями, наполненными во всех областях человеческой мысли, быть требовательными к себе и к товарищам, воспитывать в себе равенство коммунистического завтра — вот основные черты нового патристического движения.

Недавно наш корреспондент побывал в прославленном коллективе дело Москва-Сортировочная. Из репортажа о буднях молодых железнодорожников мы публикуем сегодня.

НОВАЯ 1958 — НОВАЯ 1959...

В дело Москва-Сортировочная мы пришли в самый неурачный час. Не успели оглядеться, как в репродукторе прозвучал голос диктора:

— Время — семнадцать часов. Репортаж закончился. Мимо нас, оклеившего переговариваясь, шли рабочие. Решив отложить встречу с ребятами из цеха коммунистического труда до завтра, мы направились в диспетчерскую, где всегда можно было найти человека, хорошо знакомого и делу, и людям, и их дела.

В небольшой комнате за диспетчерским пультом, занимавшим чуть ли не половину стены, сидел у микрофона сутуловатый человек и ровным, несколько нудным голосом вызывая какого-то Филова к машине «250». У диспетчера был усталый, умный и чуть несмелый взгляд. Он не без ко-

лебания разрешил нам присесть за столик и обернулся лишь после того, как убедились, что Филлов требованию выполнил.

— Ну, слава богу! — Он глубоко вздохнул и как-то основательно уселся в кресле. — Теперь, пожалуй, и потолковать можно.

Мы познакомились. Завязался разговор. Семен Иванович Юрьев принадлежал к категории людей, которые умеют не только хорошо видеть жизнь, понимать людей, их поступки, но и интересно рассказать об этом.

— За свои пятьдесят с гаком довелось повидать многое, но, честно говоря, таких, как нынешний год, мало было...

Мы спросили, чем особенным, по его мнению, отличается нынешний год. Ответ был длинный. Ответ эзотеричен, а сущности и дег в этом очерке...

ЛИХА БЕДА НАЧАЛО...

В ноябре пятьдесят восьмого родился в нашем деле цех коммунистического труда. Младенца этого, как вы знаете, во всем нашем государстве услышали. Растет он крепешком, скоро богатырем станет. Спустя год это особенно видно...

Обо всем, конечно, не расскажем, но о самом главном я вам поведаю.

Взять, к примеру, рационализацию. Дело это, как известно, доброе. В цехе коммунистического труда рационализацией занимается каждый рабочий, каждый инженер и техник. Это очень показательно. Тут можно вспомнить золотые слова Владимира Ильича из его статьи о великом почине. Он писал, что коммунизм начинается там, где рядовой ра-

бочий, преодолевая трудности, заботится о своем производстве, о лишнем пуде хлеба или угля для государя, для народа, где появляется забота человека не о личном благое, а о благо коллектива, всего общества.

В самом начале, когда цеху присвоили звание коллектива коммунистического труда, каждый думал о рационализации, усовершенствовании производства в одиночку. Не скажу, что это порочный метод. Тут ведь творчество... Рабочие подвигали предложения, их внедряли. Но все это выходило как-то по мелочам.

А жизнь повернула круто. Паровозы из дела исчезли, им на смену пришли тепловозы, электровозы. Ремонтникам предстояло переучиваться, и, надо сказать, с этой задачей они справились успешно. Вначале руководство пла-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ. Ноябрь, № 22, 1959 год.

Год издания 36-й.

В цехе электровозов напряженная пора: по примеру соседей здесь борются за высокое звание.

На снимках слева: Ремонтное дело достигло передовых... Задание надо выполнить досрочно... говорит инженер Мамулов рабочие Дворцову и Коношковой.

У краповицы Морозовой собственные планы обучить своей профессии паровозу.

Вот они, голубые красавцы! Электровозы готовы в путь.

Несколько минут назад в цех подали неисправный электровоз. И тутчас бригада приступила к ремонту.

нировало обучить всех рабочих на курсах с отрывом от производства. Но ребята поправили: хотим работать и учиться.

Занимались они после работы и в два-три месяца освоили новое дело, сдали на четвертые—пятые разряды. На этих курсах сэкономили, кажется, более ста двадцати тысяч рублей.

При работе с паровозами осласкта в цехе была богата. Это и понятно: когда долго живешь в одной квартире, общаешься вещами, а жизнь на новом месте нередко начинаешь с чемодаником. У тепловозников, между прочим, и чемоданичка не было...

Собрал както мастер Станиславич активистов: Гудкова, Рапопорта, Замятина, Брикова, Лебедева и говорит:

«Худо, братья: осласкта нужна! У нас нет конструкторов и технологов. Самим надо думать, искать, изобретать.»

Тогда-то и было высказано предложение создать особые группы и перед каждой такой группой поставить отдельную большую задачу.

— Мелчить не следует. Это главное,— резонно заметил Саша Лебедев, комсорг цеха.

В обязательствах значилось: каждый должен быть рационализатором. И каждый стал им. Но этого казалось мало. Требовалось что-то большее. Искали новые формы работы.

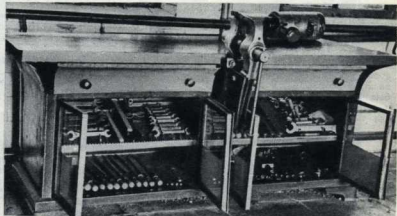
Эти новые формы требовала сама жизнь. Что получалось? Свєсарь-электрик Макеев, к примеру, постоянно сталкивался с одной и той же трудностью. Чтобы проверить регулятор напряжения на тепловозе, надо было ждать, пока полностью не закончится ремонт локомотива. А Макеев горьчился: это же затягивает ремонт! А что, если отнимать регулятор, а напряжение, создаваемое работой дизеля, подавать извне! Другими словами, решил разработать специальный стенд. Стенд—штука сложная, но Макеев—парень не из робкого десятка, он взялся за дело. Собрал схему, стал проверять ее и вдруг споткнулся на узлах регулировки числа оборотов генератора. Тут уж требовались солидные знания. Полез в учебник, но дело не клеилось. О его работе узнал инженер Виноградов. Макеев показал ему чертёж.

Виноградов взглянул, удивился: молодец, с размахом работа, и путь избран правильный, только чувствовалось—наловато знания. Инженер посоветовал сделать редуктор. И дело пошло!

Практиканты из Московского института инженеров транспорта вызвались разработать электрическую схему стенда. Правда, они не совсем удовлетворили Макеева. Пришлось руку приложить и мастеру Широкой. Задача была решена.

Вот вам и творческий коллектив! Создание таких групп, по три—четыре человека в каждой,— это и есть принципиально новое в рационализаторской работе. В таких творческих коллективах идеи осуществляются быстрее, и, главное, появилась возможность разрабатывать узловые вопросы производства.

Во главе каждой группы встали опытные рационализаторы: Станиславич, Гудков, Брикков, Междерков, Замятин... Через некоторое время из руководителей групп образовали технический совет цеха, которому администрация цеха

На каждом рабочем месте наведен образцовый порядок.

предоставила полную самостоятельность действий. Совет ставит задачи перед рационализаторами, обсуждает поданные предложения и внедряет их в производство. Руководство депо теперь лишь подсчитывает доходы. А они немалые—шестьдесят шесть тысяч рублей в год по одному цеху и почти девяносто предложенных вместо шестидесяти по обязательствам! А, как говорят, лиха беда начало...

НУЖЕН БОЙ.

План ремонта цеха переполняет постоянно! К этому уже привыкли, и это никого не удивляет. Бригады работают хорошо, с началом, но организационная сторона дела оставляет желать лучшего. Надоело, признаться, без конца предвещать претензии руководству депо!

Особенно огорчили перебои с запасными частями. Вот и решили однажды дать бой.

На собрание пригласили секретаря парторга: начальник депо в тот день куда-то выехал. Николай Трофимич, человек аккуратный, явился вовремя и сразу же почувствовал, что будет жарко. Положил перед собой блокнот и стал слушать.

А ребята разошлись. Почему так грубо нарушается график ремонта тепловозов? Где инструменты? Кто виноват в частых перебоях с запасными частями? Почему с тепловозов, которые требуют длительного ремонта, разрешают снимать детали и переставлять на другие машины? Это же двойная работа, растрата времени и средств! Когда наконец отремонтируют поворотный круг?

Николай Трофимич тогда, на собрании, словно звоном открывал люды. По себе знаю: как бы хороши ни были люди, но, если ты работаешь вместе с ними, к ним привыкаешь, они и надеются тебе порой, и сердятся ты на них, и кажутся они самыми обыкновенными. Но стоишь увидеть их при каких-то новых обстоятельствах, как сразу понимаешь, что это за люди.

Секретарь парторга сказал:

— Все, что в моих силах, а сделаю.

Конечно, Америку в этот раз Николаю Трофимичу не открыли: он и сам знал о производственных неурядицах. Но его поразили государственный подход к делу коллектива цеха. Никто из них ни одного слова не сказал о себе лично, о своих нуждах.

Вскоре после собрания в цехе

понуствовали, что сказанное секретарем не было пустыми словами. График ремонта выправился. Появились инструменты, лучше стало с запасными частями. В цехе немедленно отделили на эту работу. И ответили не потому, что хотели выразить этим свою благодарность. Нет. Хотели показать, сколько есть еще неиспользованных возможностей.

Однажды в дело поступил тепловоз, на ремонт которого по графику требовалось не менее тридцати шести часов. Известно, в начале осени движение на дорогах настолько оживилось, и тепловозов не хватало.

Геннадий Гудков собрал свою бригаду.

— Времени ремонта надо сократить максимум, — сказал он. — Согласны!

— Были бы запасные части... — Будут!

Гудков уточнил, каких ремонт сверх плана, то есть сверх положенного по нормам, заготовил запасные части, а потом распределил обязанности между ремонтниками.

В тот день работало пятнадцать человек вместо двадцати шести; остальные были в отпуске и на занятиях. Но это не особенно волновало Гудкова. Ремонтники еще давно поставили перед собой задачу: овладеть смежными профессиями, чтобы исключить всякие случайности. Ремонт, говорили в цехе, должен проводиться при любых условиях, при любом составе рабочих. Два раза в неделю, оставаясь после работы, ребята учились друг у друга, а дома штудировали учебники. К лету большинство достигло необходимой квалификации, а электрики — диэлектрики.

Бригада Гудкова буквально набросилась на тепловоз. Только стук да звон раздавались. Через неделю работа закончилась, диэлектрики отстали. Геннадий перебрался им на помощь электриков; у тех дело обстояло лучше.

Через четырнадцать часов Гудков докладывал дежурному инженеру:

— Принимайте конату! — Не можете бы! — Не повелся инженер. — Ну, молодцы!

В тот же день отремонтировали еще одну машину.

Наутро в бухгалтерии удалялись: подобно заработку в деле еще не было.

Вот что значит работать по-новому! Такая высокая производительность труда в целом коллектива — это результат творческого отношения людей к своему делу, их высокой квалификации. А ведь это и составляет, мне кажется, одну из особенностей движения бригад и ударников коммунистического труда.

Как поразовало бы Ильича, узнав, какое развитие получила великая почин! Если мне не изменяет память, сейчас в нашей стране более ста тысяч бригад коммунистического труда. Новое движение нашло отклик и в стране народной демократии: там повсюду создаются бригады социалистического труда.

Недавно наши ребята получили письмо из Чехословакии. Написали его рабочие локомотивного дела Оломоуца. Они гордятся теми советскими людьми, которые решили жить и работать по-коммунистически.

ЗА ТОВАРИЦА НАДО БОРЬСЯ

В цехе коммунистического труда произошел однажды случай, о котором нельзя не рассказать.

За отличный труд, за инициативу, которую проявил коллектив тепловозоремонтного цеха, отделение Московско-Вязанской железной дороги навечно вручили цеху коммунистического труда красное знамя. Вместе со знаменем коллектив получил и денежную премию.

На общем собрании цеха постановили: использовать некоторую часть денежной премии для организации культпохода, а на оставшее купить мебель Ивану Филоеву и Анатолию Лисицкому: оба они только что получили комнаты и выехали в них, имея в руках по чехомодничку.

Станкевич, когда объявлял об этом решении коллектива, сказал Филоеву:

— Понимаешь ли ты, уважаемый Иван Тихонович, почему тебе такая честь?

Филоев покраснел и смущенно ответил:

— Понимаю, Владимир Иосифович.

А с Филоевым была такая история. По комсомольской путевке Иван уехал на целинные земли. Оттуда его призвали в армию. Служить довелось в Ташкенте. Както раз на занятиях Филоев отступился, подвернул ногу и оказался в госпитале. Там-то и познакомился он с хорошей девушкой — красавицей. Сидя один, подолгу беседовать, вроде узнали друг друга...

Когда Филоев вышел из госпиталя, встретил с Валей участился. Но вскоре солдаты службы закончилась. Иван уехал в Москву, твердо веря в то, что в самое ближайшее время вызовет Валю к себе.

Однако новые инстан, интересная работа, новые встречи заслонили образ девушки.

Валя приехала в Москву сама, причем не одна, а с ребенком на руках... Финал оказался грустным. Она возвратилась в Ташкент с сердцем, полным тоски и негодования. Так ведь тоже бывает.

О неожиданной гостье узнали товарищи. Начались распросы. Филоев боролся в ответ что-то невразумительное. Но товарищи не отступались.

— Почему уехала Валя? Ты не крутись. Ответь правду, если хочешь остаться другом.

Объяснить не понравилось... Буригу Филоев. — В Ташкенте у нее отдельная квартира. Это было и правдой и ложью. Обещание Вале действительно не понравилось, но больше всего ее поразила отчужденность Ивана, которую тот не мог скрыть. Валя, конечно, поняла: ее разлюбили. Потому-то она и уехала.

На голову Ивана посыпались насмешки.

— Стало быть, нашлоиди — и в кусты!

— Герой, ничего не скажешь!.. Но, сами понимаете, дело это деликатное. Тут постановление не применишь: «Ожидать Ивана! Кто заел! Голосую...» Но ребята не забыли о долге отца, и Иван вынес дружного натиска. В Ташкент полетела телеграмма: «Приезжай!»

Однако не тут-то было! Валя ответила, что в Москве ей делать

Слесарь Геннадий Гудков нередко замещает мастера цеха. Вот и сейчас он дает указания бригаде электриков перед началом смены.

ничего, ребенка она может воспитать сама.

Иван анализе растерялся, потом возмущился: как же так, отец или дядя нужной! Написал письмо. Не знаю, каким оно было, но через неделю, сияющая и счастливая, Валя переступила знакомый порог общежития.

Товарищи Филоев — Гудков, Завятин, Станкевич и другие — завели квартиру-тамбурную переплуску, куда-то бежали, совещались и вдруг оглушили Ивана:

— Получай, папаша, комнату! В комнате было пусто, гулко и просторно, но ненадолго. Вскоре же туда уехала, покрыватая, вносили в комнату новую мебель...

— Вчера на малом ремонте мы выиграли восемь часов — целую смену! — говорит Александр Лебедев своим товарищам Григорью Базарнову и Геннадие Волкову.

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

Люди в цехе разные. Разные у них жизненные пути, разные судьбы...

Толя Красавин в коллективе самый младший. Многие он зовет: «Дядя Ваня», «Дядя Саша»... «Работать — либо-дорого — смотреть».

Страсть к железной дороге, к паровозам родилась у него в детстве. Может быть, потому, что вырос он в домике, который стоял возле окружной дороги. Когда Анатолий учился в первом классе, он пришел однажды на один из московских вокзалов и предложил свои услуги... в качестве машин-

У молодых железнодорожников депо обширная переписка с советскими и зарубежными друзьями. Сегодня Виктор Горбунов, Владимир Тиманов и Сергей Грещов отвечают на письмо чешских товарищей.

ста. Тот, к кому обратился мальчик, отнесся к его просьбе серьезно. Он связался со школой, о чем-то долго разговаривал, а потом направил просителя на детскую железную дорогу.

Там Анатолий Красавин стал помощником машиниста. А летом этого года он появился в нашем депо. Анатолия направили сюда для изучения ремонта тепловозов.

Все, что он видел, он впитывал в себя, как губка. Рабочие полюбили этого любознательного паренкича, полюбили и они своих учителей. Но после экзаменов и получения квалификации слесаря-тепловозника четвертого разряда пришла с депо расставка. Из цеха Толя ушел грустным. Детская дорога теперь казалась ему игрушкой.

Через полмесяца Толя снова явился в депо и заявил:

— Принимайте меня на работу! Его отговаривали:

— Зря бросаешь школу, кончай восьмой класс!

— Но Толя стоял на своем:

— Хочу работать! А школа не уйдет. Вы-то все учитесь...

Так без единого дня учебного срока ставя в цехе появился новый слесарь.

Сосем иначе сложилась жизнь у Саши Рапопорта и Валентина Добычина. Один из них окончил железнодорожный техникум, а второй — Московский институт инженеров транспорта.

Саша отлично изучил электрооборудование тепловоза, работает сейчас с высоковольтной аппаратурой и готовится основательно изучить дизель. А уж потом, говорит он, можно и командовать.

Так же считает и Валентин Добычин. Он, между прочим, не раз говорил, что имеет серьезные претензии к вузу, который его выпустил. Двухмесячная практика по ремонту и эксплуатации тепловозов, организованная институтом по программе, была, оказывается, не более чем экскурсия.

— Разве смогу я руководить, не познав производств! — заявил он в отделе кадров депо, куда был направлен по распределению. — Прошу временно назначить меня слесарем.

Учиться пришлось у рабочих. Мастер Станислав однажды послал Валентина сять реле давления масла. Вместо реле Добычин едва не снял блок магнето. Анатолий Лисицкий, сосед Валентина, деликатно поправил: реле, дескать, не там, вот оно... Валентин начал разводить провода, а Лисицкий снова тут как тут: не там разъединяешь, надо крышку отрезать и отвинтить гайки, закрепляющие провода. Инженер послушно выполнял советы.

— Так было первые дни. Валентин успешно овладел ремонтом тепловоза, а затем решил научиться водить локомотивы. Руководители депо пошли навстречу инженеру. Хотите водить! Не возражаем. Учите, только бы на пользу...

Истата, об учебе. В цехе коммунистического труда учатся все. Да это и понятно. Помните, что говорил Ильич! Без глубоких знаний коммунизма не построишь. Надо обогатить свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество. Вот так решил работать Владимир Ильич. Если я не ошибаюсь, шестеро из цеха — заочники вузов. Одина-

дять поступили на первый курс техникума железнодорожного транспорта. Четверо учились там еще ранее и сейчас продолжают учебу, человек восемь занимаются в вечерней школе рабочей молодежи, а двое поступили на подготовительные курсы в институт. Только Никита Никитович Широков занимается в цехе особое место: ему уже за пятьдесят. Когда обсуждали вопрос об учебе, кто-то из ребят предложил:

— Освободить Широкова от такого дела.

— Как так освободить? — возразил Никита Никитович. — Балластом в цехе быть не желаю. Обещая изучить за год учебники Шафаранского и Рамагулина. Пусть меня экзаменуют инженеры...

Но ведь и учиться можно по-разному. Вскоке бывает. Палочку в ответе поставили и дело с концом. В цехе, между прочим, обнаружилась, что один из рабочих, Жаринов, сильно хромает в учебе, пропускает занятия. Похоже было, что для палочки, для отчета занимается человек. Выяснилось, что трудно с учебой и у мастера Владимира Станиславича: уж очень он был перегружен.

Обсудили на собрании. Жаринову всыпали глаз, что он, будучи, виноват: понадеялся, дескать, на одного занятия не пропущу, все двойки исправлю! И действительно, исправился парень.

Иные подошли к мастеру — тут на в левое дело.

— Надо подмянуть Владимира почаще. А то он скоро чевачать будет в цехе. Раньше все приходило, последним уходит. Где же ему учиться!..

Так и порхали: мастеру надо помочь, чтобы у него оставалось свободное время для подготовки к занятиям.

Народ в цехе, между прочим, подобрался гордый. Сергей Грещов и Анатолий Турев провалились на экзаменах в техникум. Что ж, всякое случается. И что вы думаете? Вместо нашего железнодорожного техникума, где к ним, впрочем, отнеслись бы сочувственно, они поступили в восьмой класс городской школы. Никаких поблажек! Учиться так учиться...

Год назад Владимир Станиславич в мастер-цехе коммунистического труда, спросил коллектив, которым он руководит:

— Что внесем мы в соревнование нового, чем поможем быстрее строить коммунизм!

Как известно, были разработаны заповеди, ставшие уставом и программой коллектива цеха.

Прошел год. Что он принес! Уверенность в своих силах, твердую убежденность в победе коммунистического труда.

Все с чем мечтал рабочий цеха, сбывается. И больше. Пioneры нового движения открыто говорят: не ожидали мы, что почи найдет такой могучий отклик в стране. Стало быть, зерно брошено в хорошую почву. И пусть еще не все сделано — немалым сделать все за столь короткий срок, — пусть на пути лежат трудности и преграды, но ведь званата цель зорше видят: доля эта — коммунизм. К нему уже миллионы, а миллионам доступно все!

Левонид ТЕРЕХИН

МОЯ БРИГАДА

Ложится удары крепкие.
Взлетают искры и молнии.
Металл,

добела нагретый,
сплюсчивается под молотом.

Укладывая и ворочая
тугие куски проката,
кует сталь

рабочая коммунистическая бригада.
Ребята забыли про шутки.
У каждого строго лицо.

Сноровка у них и принорка
опытных кузнецов.
Спокойны,

точны и четки
у хлюпцев движения рук.
Секунды у них на учете.
В большом почете их труд.

Еще был...
Ведь им известно,
что этот металл нагретый
пойдет на станки и рельсы.

на спутник и ракету.
Из школ,

из училищ в бригаду
пришли мои кузнецы.
Глажу я на них и радуюсь.

Глажу и шепчу: «Молодцы!»
Под молотом сталь

позванивает.

Учеба и быт — все ладится.
Недаром высоким званием
бригада ударная звания.

А. ПЕРШИН

Г. СЕДОВ

ДВОЕ НА ДОРОГЕ

Рассказ

тым туманом ползут на горы силы сумерки.

Сахарцев остановился и поджидает меня. Усаживаюсь, закуриваю. Лошадка делает несколько шагов и тоже останавливается: на редкость попутное животное. Пить хочется страшно. После выкуренной папиросы к привычной сухости рта прибавляется еще табачная горечь.

— Потерпите, юноша, — говорит Павел Петрович звонким, как у артиста, голосом, — еще семь поворотов, и мы нальемся. Я киваю. Вообще-то мне не совсем приятен его покровительственный тон. Сидит, вероятно, мимо тряпки и размазней. Взять сейчас и лигнуть его по первый разряд.

Из учебника психологии я когда-то усвоил, что людские характеры зависят от типа нервной системы. Слабый тип — слабый характер, сильный — значит, и характер такий.

Павел Петрович — настоящий флегматик, безусловно слабый тип. Неразговорчивый, какой-то चुлковатый. Таскает в кармане томик Корнея Чуковского. Откроет журнал и читает. Молодые геологи прозвали его «Мойдодром». Рассказывали, что Мойдодр преподавал минералогию на горном факультете. Потом с кем-то не поладил, бросил наполовину написанную диссертацию и стал работать в изыскательских партиях. Через два года блестяще защитил диссертацию, но вернуться к преподавательской деятельности не захотелось.

Я не очень верю в его семь поворотов, после которых мы сумеем напиться: успокаивает меня, как девчонку. А зачем? Насчет своего типа нервной системы я никогда не сомневался: уж он-то наверняка не был слабым!

«Четыре, пять, — считал я все-таки про себя повороты и глотал липкую слюну, — шесть, семь...» Как все-таки дико хочется пить, прямо до крика! Обману Мойдодра, сорвал. Воды нет, и мы будем еще много часов тащиться, облизывая шершавые, пересохшие губы.

Идите пировать! — слышу я голос Сахарцева, присев на корточки. Он стоит у неглубокой черной расщелины в скале и размахивает дурацкой панамой.

Я подхожу вплотную. Сахарцев черкает спичкой, и я вижу на дне расщелины неглубокому выемку наподобие блюдца. Она полна прозрачной воды. Со скалы в блюдце медленно стекают круглые, как грустные шаррики, капли. Много часов, вероятно, проходит, прежде чем наполнится выемка, вмещающая не более стакана...

— Ну-с, рассчитаем, — спокойно говорит Сахарцев, присев на корточки, — сколько придется на каждого, если полностью оставить... Пожалуй, по одному глотку. Пейте, Женя.

Я лег на живот и припал лицом к воде. Какой-то миг, не раскрыв рта, наслаждался влажным холодом. Потом жадно втянул глоток и даже его не чувствовал. — Давайте и! — Сахарцев набирает губами воды, долго пощипывает рот и только потом глотает.

Я ничего не понимаю. Черт возьми, мы же подлая не пили! В блюдце оставалась вода. Для кого? Может, для нашей четверной попутчицы?

— Идите, Женя! — промолвил Сахарцев. Спичка, которую он держал в руках, догорела. Я не выдержал. Я хотел пить. Там еще осталось полстакана воды!

— Я выпью остальное, — сказал

я каким-то чужим, хриплым голосом. Тут же, сплосхвистываясь, поправился: — Давайте выпьем остальное, Павел Петрович.

Он быстро подошел ко мне, крепко сжал руку, и я увидел совсем близко глубокой, черной в подумке шрам, расскребивший его висок и часть лба. Привыкнув к Сахарцеву, я как-то не замечал этого шрама, и теперь он испугал меня.

— Это тем, кто идет за нами, — молвил он глухо. — Пить всем хочется. И все рассчитывают на безмятежную речушку, которой вздумало высохнуть в самом начале лета. У этих людей тоже пустые финги.

Мне показалось в первый миг, что он бредит. Какие люди? Ведь мы переправлялись на пароме один, — это паром — последний.

— Идите, Женя! — повторил Сахарцев твердо.

Я вывернул руку и быстро пошел вперед, чтобы он не видел моего лица.

Он сказал: «У этих людей...» — точно видел их в ту минуту. Странно, но я тоже отчетливо вдруг представил себе людей, идущих следом. Вот они доплатят оставленную нами воду... Хотя разум мне твердил, что за нами никого нет, что следующий паром полдет только завтра.

И еще меня жет стыд. Не за то, что я не сумел побороть жажду, нет. Мне было стыдно за те позорные секунды, когда я еще понадеялся и все-таки заколебался...

Сахарцев догнал меня, положил на плечо руку: — Какой же вы самолюбивый! Ну, бросьте дуться...

Мы идем дальше по тропе, усыпанной лунными блинками, следом за мохлатой киргизской лошадкой.

Я думаю о том, что ни физиогу Кашкину, ни кому-нибудь другому не скажу о зачетном перевале: я не прошел его. Этот перевал еще за мной... И о другом я думаю. О том, что если мне когда-нибудь придется очень трудно, трудно до отчаяния, то пусть в эту минуту где-то рядом будет вот такой флегматик со слабым типом нервной системы, в смешной пыльной панаме... Такой, как Павел Петрович Сахарцев.

Ручейка начисто пересохла. На том месте, где мы полтора месяца назад поили лошадей, лежали груды галечника, еще сыроватого от недавнего соседства с водой.

Вот уже шестой час подряд видно передвижение мышей, поднимаюсь на перевал. Впереди маячит лохматая лошадка бог весть каких кровей, нагруженная тюками с инструментами, образцами породы и осточертевшим сухим ланком. За лошадкой шагает длинный, как жердь, Сахарцев в своей незеленой панаме, больших ботинок и старомодном пенисе.

Последним иду я. У меня прекрасное настроение: довелось всем, в особенности собой: осликом этот перевал — и я получаю первый разряд по туризму. Представлю, как завьюсь после практики в университет, заду этот ланком в аудитории номер шестидесяти семь и скажу Кашкину, физиогу без году неделя: «Да, между прочим... Ты, брат, исправь у себя в тетрадке. Против фамилии Тарханова стоит второй разряд. А нужно? Ну, соображай... Правильно: нужно правильно».

И как все-таки чудесно получилось производственная практика в горах, в геологической партии: переппав через реки и, наконец, возможность выполнить зачетный норматив по преодолению перевала! И высота было тоже подходящая: четыре тысячи сто — хоть на мажорский набор! Баба!

— Женя! — слышу я голос Сахарцева. Он машет рукой. — Торопись!

Мы один на ухабистой тропе, которая убегает вперед и вперед, загибается между холмами, подлезает в расщелины, ныряет под карниз скал, вылезает до вправо, то влево, то вилит. У меня такое ощущение, словно мы идем по твердости лунки, — так безжизненно и пусто вокруг.

Сахарцев время от времени поглядывает на часы, покатывает головой и подгоняет лохматую лошадку. Но обоим мы понимаем, что до темноты не подняться на перевал.

Солнца не видно: оно где-то по ту сторону горной гряды, тнушейщей справа. Снизу, из ущелья, дунуло: до послезачетной своей втер. Оттуда вместе с клочковатой

В тысячах кинозалов страны советские люди с волнением смотрят фильм о миссии доброй воли и мира.

«ТАКОЕ СОБЫТИЕ БЫВАЕТ РАЗ В СТО ЛЕТ»

Дорогие друзья из «Смены!»

Отвечая с некоторым опозданием. Дело в том, что ваша телеграмма застала меня не дома, а на скалистых, туманных берегах острова Мейн, где я нахожусь на излечении в больнице. К сожалению, состояние моего здоровья и ряд других причин помешали мне выполнить вашу просьбу — написать обстоятельную статью о том, какое впечатление произвели на американцев приезд Ниниты Сергеевны Хрущевой и запуск лунника.

У нас есть много литераторов, которые пишут о событиях сегодняшнего дня. Но среди моих соотечественников осталось очень мало живых свидетелей рождения Великого Октября, и потому я трачу последние силы на описание тех героических революционных дней. Желая все же откликнуться на вашу просьбу, посылаю вам это письмо.

Визит советского премьера в Соединенные Штаты явился блестящим, волнующим событием. Запуск лунника II еще долго являлся бы умами американцев, если бы он не совпал с приездом Н. С. Хрущева. Высокоавторитетный гость и его спутники привлекали к себе внимание миллионов людей. С чем только не сравнивали американские журналисты появление на нашем континенте советского премьера! Человек — обитель Земли в лице Ниниты Сергеевны Хрущевой — затмила «небесную» ракету. Никогда раньше ни об одном почетном госте США не помещали столько редакционных статей и не публиковали столько фотографий. «Такое событие бывает только раз в сто лет», — писала газета «Нью-Йорк Таймс». Благодаря прессе, радио и телевидению Хрущев проник в

десятки миллионов американских семей, что до него не удавалось ни одному из самых именитых иностранцев, когда-либо посетивших нашу страну. В те дни один из моих соседей специально установил у себя на квартире телевизор, а когда советская делегация уехала, вернул его обратно.

Никогда ни одному человеку, приехавшему к нам из другой страны, так быстро не удавалось превратить враждебность многих американцев в дружелюбие и по-

Письмо из США

вернуть штурвал истории от войны к миру, как это удалось сделать Н. С. Хрущеву. «Такое Америка никогда не забудет», — утверждала одна газета, описывая поездку советского гостя по Соединенным Штатам.

Установить — ценой немалых усилий — такие дружеские, искренние взаимоотношения с президентом Эйсенауэром — одно это уже является колоссальным достижением. Но, само собой разумеется, что за тринадцать дней нельзя было расплатить все

«Жить в мире и дружбе!»

К ан выдающееся событие в мировой истории расценивает человечество поездку Ниниты Сергеевны Хрущевой в Соединенные Штаты Америки.

В памятные дни визита вестя с американского континента волновали и радовали всех честных людей, жаждущих прочного мира на земле. Выступления Ниниты Сергеевны вселяли в человеческие сердца уверенность и надежду на ослабление международной напряженности, на окончательное искоренение «холодной войны». Глава Советского правительства выразил самые современные чаяния народов — жить между собой в мире и дружбе!

«Жить в мире и дружбе!» — так и называется новая книга, выпущенная недавно Государственным издательством политической литературы. В книге введены собраны тексты выступлений Н. С. Хрущевой, речи американских государствен-

ных и политических деятелей, произнесенные во время встреч с Н. С. Хрущевым, другие материалы, связанные с историческим визитом. Документальную сборнику воспроизводит большой государственный труд Н. С. Хрущева во имя торжества принципов мирного сосуществования народов, во имя интересов рабочего класса и всех трудящихся, во имя советской социалистической Родины.

Книга «Жить в мире и дружбе!», выпущенная враспутье тиражом, хорошо оформлена, с многими фотоинициалами, отражающими пребывание Н. С. Хрущевой в Соединенных Штатах Америки.

Сборник «Жить в мире и дружбе!» уже стал для многих советских юношей и девушек настоящим пособием, помогающим глубоко понять сущность международных проблем, волнующих человечество.

ледяные барьеры, созданные за последние тринадцать лет. Некоторые люди в Соединенных Штатах все еще продолжают относиться с недоверием к Стране Советов, все еще можно услышать брожение со стороны бюрократов «холодной войны». Но в составе советской делегации был один человек, в адрес которого даже самые злые языки не осмелились сказать ничего плохого. Этот человек, получивший в нашей стране однодушное признание — конечно, Нина Петровна Хрущева. Если целью дипломата действительно является создание «фронта доброй воли» в пользу своей страны, то Нину Петровну можно с полным основанием назвать наилучшим дипломатом. Для того, чтобы расказать, как она покорила Америку своим здравым смыслом, непосредственностью, способностью и улыбкой, понадобилось бы написать целую книгу. А мне, как я уже сказал, даже трудно написать статью для журнала «Смена»...

Сейчас, когда я пишу эти строки, до нас, американцев, дошла новая захватывающая весть о запуске лунника III. Наша пресса уделяет этому событию огромное внимание. Один местный рыбак шутил сказал мне:

— После отъезда Хрущевой нам следовало бы немного отдохнуть, да успоконтиться нашим нервам и чувствам. Но эти русские не желают дать нам покоя. Не успели мы прийти в себя от второго лунника, а, глядишь, они уже третий запустили...

С глубоким уважением и товарищеским приветом

Альберт Рис ВИЛЬЯМС

Октябрь, 1959 года,
Саут-Уэст-Харбор.

Лунная поверхность, наблюдаемая в телескоп.

Вот она, оборотная сторона Луны, сфотографированная с борта автоматической межпланетной станции.

Мы на Луне увидели рассветы,
пути открыли в звездный океан.
Космическому плавающему ракету
завидовал бы нинге Магеллан.

Ей звезды даль Вселенной озаряют,
дерзанием людей удивлены...
И вся Земля с почтением посто-
яет

советские названия Луны.

Константин ВИШНЕВЕЦКИЙ

ЛУНА РАСКРЫВАЕТ СВОИ ТАЙНЫ

А. В. МАРКОВ,

доктор физико-математических наук, руководитель группы изучения планет Пулковской обсерватории

Тан представлял себе невидимое полушарие Луны английским ученым Виллинсу.

Триста пятьдесят лет прошло с тех пор, как на Луну был направлен первый, еще очень несовершенный телескоп Галилея. За это время составлено несколько подробных карт видимой нам стороны Луны. Много нового в изучении природы лунной поверхности дали труды советских ученых за последние 40 лет.

Запуск Советским Союзом трех лунных ракет ознаменовал начало века экспериментальной астрономии.

Что же представляет собой наше «ночное светило»? Диаметр Луны равен 3 476 километрам, а масса ее в 81 раз меньше массы Земли. Среднее расстояние от нашей планеты — 384 тысячи километров. Так как время обращения Луны вокруг Земли совпадает с временем оборота ее вокруг своей оси, мы видим только половину лунного шара.

Средняя плотность Луны в 3,3 раза больше, чем плотность воды, и примерно в 2 раза меньше, чем средняя плотность Земли. Следовательно, плотность горных пород, составляющих верхний слой лунной породы, вероятно, меньше плотности земных базальтов, известняков и слюды.

Сила тяжести на Луне в 6 раз слабее, чем на Земле, поэтому в период образования лунной коры наш спутник должен был очень быстро потерять газовую оболочку,

которая сейчас практически отсутствует.

Наблюдения в сильные телескопы при благоприятных условиях дают возможность заметить на лунной поверхности неровности высотой в 40 метров. Для трети видимого полушария Луны полярны горы, а одна треть представляет собой ряд более темных равнин иррегулярной формы с диаметром до 900 километров. Эти совершенно безводные равнины по ошибке первых наблюдателей Луны были названы морями.

Преобладающей формой горных образований, особенно «внутренней» части Луны, является огромное число (до 35 тысяч) холмцеобразных гор и кратеров диаметром от 2 до 250 километров. Некоторые из них, подобно земным вулканам, имеют центральное возвышение. Лунным кратерам присваивались имена выдающихся ученых. Горные цепи и хребты, расположенные главным образом на окраинах лунных «морей», получили названия земных хребтов. Отдельные вершины лунных гор достигают высоты в 3 километра. На Луне много огромных трещин — до километра глубиной и до 10 километров шириной.

Как же представляли себе ученые строение видимой части лунной поверхности? Некоторые астрономы полагают, что из-за отсутствия атмосферы на Луне падают с огром-

ЧЕЛОВЕК, У КОТОРОГО МНОГО ДЕЛ

ными скоростями множество метеороидов, удары которых сопровождаются взрывами, образующими большие воронки-кратеры. Впрочем, регулярная смена температур в течение лунных суток от — 170°С при волеге Солнца до +120°С в лунный полдень — также должна вызывать растрескивание лунной коры.

Остывание лунной поверхности происходит чрезвычайно быстро. Во время лунных затмений, когда тень Земли закрывает Солнце для видимого нам стороны Луны, ее поверхность за полчаса остывает на 250 градусов. Ни одна земная горная порода не может остыть так быстро. Теплопроводность верхнего покрова лунной породы примерно в тысячу раз меньше теплопроводности гранита. Предполагается, что поверхность Луны на 3 сантиметра засыпана мелкой, легкой проводящей тепло пылью. Судя по цветовым оттенкам, лунная кора в основном состоит из соединений кремния, содержащие железо.

Взучные структуры лунного рельефа убеждают геологов, что история георазработки на Луне не сводится не одну сотню миллионов лет.

Советские астрономы В. И. Эзерский и И. А. Козырев своими спутниками в течение года Альфонс окончательно доказали реальность просачивания из трещины дна атмосферы газа СО, что свидетельствует о слабой вулканической активности на Луне.

Тановы вращают данные о лунной поверхности, полученные в результате телескопических наблюдений. Много нового в познании природы нашего естественного спутника

Рис. В. Жарникова.

дали три советские ракеты и в особенности автоматическая межпланетная станция.

Первой из этих ракет, запущенная 2 января 1959 года, прошла около Луны на расстоянии 6 тысяч километров. Вторая космическая ракета, промчавшаяся 14 сентября в районе моря Дондей, у восточного вала кратера Аполлон, подтвердила данные первой ракеты, ответив на исследование величину лунного магнитного поля.

Самые интересные данные о Луне дал нам запуск автоматической межпланетной станции, которая впервые в истории астрономии сфотографировала земную сторону Луны. Оказалось, что лишь 10 процентов невидимого с Земли лунного полушария покрываются морями. Одно из них названо морем Мечты, а другое — морем Спокойствия. На снимках, сделанных межпланетной станцией, запечатлены также три больших кратера: Коперника, Ломоносова и Жюль-Верн.

Тановы первые результаты ракетных исследований лунной поверхности. Есть все основания считать, что быстро развивающаяся в нашей стране ракетная техника скоро позволит еще глубже проникнуть в тайны естественного спутника Земли.

РЯДОВЫЕ ГВАРДИИ ТРУДА

В заводской охолодной бригаде Гайдов взглянул на часы. До начала смены оставалось незначительное время. И все-таки он торопился: обещал ребятам из бригады прийти сегодня пораньше.

«...В цехе непривычно пусто. Под гудение машин — раздавались два голоса. Владимир узнал начальника цеха Назиско.

— Ты мне и не заикайся о таких сроках! — говорил он раздраженно. — Три месяца! Так, брат, при царе Городе работали!

Его собеседником был кто-то из строителей, кажется, прораб. — Как при царе, не знаю, — отвечал он, — а вот в соседнем цехе, сам помнишь, полгода провозились. Объемом не маленький! Одного грунта надо больше тысячи кубиков вывостить. Шутка сказать!

— Что смотри как вырваться, — подумал Владимир, прощая мимо.

В тесной раздевалке собрался уже вся бригада, — а кто, бригадир, в отпуске пойдешь или как! — спросил один из рабочих.

— Если собираться в отпуск, подождем, закончатся — отвечает Владимир. Он обвел взглядом товарищей. — У нас две возможности: расформировать бригаду и пойти работать в другие цехи или... Или самим взяться за реконструкцию и переоборудовать цех не за три месяца, как собираются сделать строители, а хотя бы в два-е три месяца... Ребята задумались.

В тот вечер в кабинете главного инженера Московского завода железобетонных изделий № 8

дополдня горел свет. Решали сложный вопрос. Цех, в котором работал Гайдов, переводился на выпуск новой продукции — железобетонных мат для трамвайно-троллейбусной сети. Необходимо было менять оборудование. По расчетам, реконструкция продлится несколько месяцев. Как ускорить ее? Обсудили и предложение Владимира. Много спорили, долго прикидывали все «за» и «против».

«За» победило. Реконструкция цеха была поручена бригаде Гайдова.

На заводе Гайдову вернули Пятидесятлетним парнишкой пришел он сюда. Многие помнили, как под началом цеха, кадрового рабочего, изучил он сложное дело. Помнили, как ускорил Володя на фронте глаза парня горели решимостью — такой не подведет, не струсит в бою. И когда после победы вернулся Владимир на родной завод, его грудь украсили боевые ордена и медали. А через несколько лет за самоотверженный труд, за мастерство Владимир Гайдов был награжден орденом Ленина.

Гайдов был одним из инициаторов создания комплексных бригад. О нем и его друзьях писали в газетах, рассказывали по радио. К Гайдовым приходили рабочие с других предприятий, знакомился с организацией труда в бригаде, с новыми приспособлениями, облегчающим труд.

То это было остроумное устройство для снятия форм, то оригинальная конструкция загружаемой так и называют: «бункер Гайдова».

И вот новое испытание для всей бригады — реконструкция цеха. Прежде всего следовало убрать старое оборудование. Верхние части машин демонтировали сравнительно легко, быстро. А вот с рамой пришлось повозиться. После долгих безуспешных попыток главный механик дал указание разрезать раму и разобрать ее по частям.

Бригада запротестовала: «Не станем портить хорошее оборудование!»

Решено было работать в две смены. Ребята сутками не уходили с завода и все-таки одолели упорную раму.

Можно было начинать монтаж. Владимир собрал бригаду. — Также дело, ребята. Нужно поставить четыре станины. Вес каждой — три тонны. Как поднять будет? В цех авторкан не загоноси. Директор предлагает поручить это «Строймонтажу».

Так до второго пришествия можно провозиться. Нужно что-то придумать.

И придумали. На эстакаде закрепили монорейсы, повесили ручные тали,

которые переделали на ролики, и с их помощью подняли станины. Новые оборудование смонтировали за две недели. А завод сэкономил на этом около двухсот тысяч рублей.

«В день, когда закончили монтаж, Владимир вернулся домой сразу же после смены.

— Можешь поздравить, — сказал он жене. — Начинаем выпуск новой продукции.

— Наконец-то! — улыбнулся Люба. — Ведь целый месяц мы почти что не виделись.

— Месяц! Да понимаешь ли ты, как это хорошо — месяц! — Владимир обнял жену. — То есть то, что я тебя мало видел, конечно, плохо... Но справились с реконструкцией в месяц — это здорово! Строители грозилась — полгода... А теперь все в порядке. Мы снова сможем и в кино ходить и в театры, правда?»

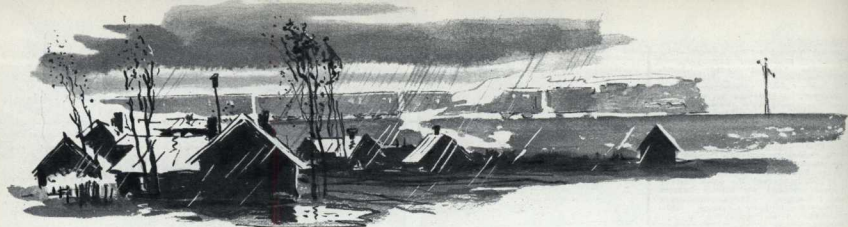
— Да, — ответила она и подумала: «Неуемный ты человек! И в театры уезжать и завтра же опять надеюсь какое-нибудь отложное дело или забудь хлопотать, помогаю людям... Такой уж у тебя характер».

Характер у Владимира действительно беспокойный. Да с другим характером, пожалуй, ему и не стал депутат Верховного Совета РСФСР. Слуга народа! Это обязывает ко многому.

Сейчас у всей нашей страны, у каждого человека много работы. Коллектив завода решил свой семилетний план выполнить за шесть лет. А бригада Владимира Гайдова, борясь за право называться коммунистической, взяла еще более смелое обязательство: семилетку — а пять лет!

Фото В. Савва

Лариса ФЕДОРОВА

ХОЛОДНАЯ ВЕСНА

Рассказ

И почему это в самый торжественный день твоей жизни должен идти дождь? Как он хлестал по крышам, с каким неистовством обрушивался на едва распустившиеся деревья! Кто же под таким линем пойдет в гости? А главное, кто огорчал Машу — это телеграмма сестры Татьяны, сообщившей, что приехать на свадьбу она не может по непредвиденным обстоятельствам...

Проклявывая из комнаты в комнату, Геннадий по-хозяйски осматривал накрытые столы. Остановившись возле окна, где стояла Маша, говорил:

— Что беспокоится о погоде? Весною полагается идти дождям. А гости все равно зайдут. Вот студень, пожульи, маловато, и гусь подвези... Он тизуа при этом о жареного гуся выложил, гусь поплыл старым. — Жалко, что не приехала Татьяна: как старшая сестра, она бы за всем приглядела. И что это у нее там за «непредвиденные обстоятельства»?

В отношении гостей Геннадий оказался прав. Собравшись почти все, и старший родительский дом Маши сразу стал тесен. Поднялась веселая суета, споры, кому где садиться, кто победил на двор за тещин, кто больше полюбил ее на свадьбу. Наконец сели, чокулись, и сладкий вечер начался.

Недостало только гармониста.

— Ну где же он? — уже в который раз спрашивал у Маши Геннадий.

— Окуда мы звать? Задержался, наверное. Видишь, какой дождь хлещет? Станет он портить инструмент!

— Инструмент! Представляю, какой это инструмент! Ископаемая гармоника!

Минуту позже, когда Геннадий назвал записывавшего гармониста «друзьями его оканьдостью», Маша, уже давно непонятно чем взвинченная, рассердилась. Ей не понравился, что он к месту и не к месту употреблял свои «геологические» словечки.

— Ай-ай-ай! — удивился Геннадий и покачал головой. — Что же ты сердишься, горная хрусталинка? Ну же, улыбайся, засветится! И Маша улыбалась. На какой-то миг к ней перелетела веселое бесшумное настроение. И в самом деле, отчего ей сердиться и грустить? Она счастлива! У нее красивый, видный муж, а впереди интересная, новая жизнь...

Пока Геннадий звал гостей, рассказывал о своей работе, Маша незаметно, уже в который раз, разглядывала его. Она знала Геннадия с детства, но сейчас никак не могла представить, каким он был в те далекие годы. Геннадий стал другим, новым; и это произошло без нее, когда они жили вдалеке друг от друга, не помнящая о том, что придется встретиться и уж тем более соединить свои жизни. Лицо у Геннадия твердое, суховатое, не лишнее красоты. Нос с небольшой горбинкой. Маше казалось, что с таким профилем дождь был непременно смелым и честным. Так оно и есть. Геннадий смел. И в его честности она, несомненно, уверится.

Геннадий поспешно обернулся. Так поспешно, что Маша не успела отвести своего изумленного взгляда.

— Ну? Все сравниваешь?

Маша улыбнула.

— Что ты, Геня? С кем мне тебя сравнивать?

— Не с кем, — убежденно сказал Геннадий. — Я в единственном экземпляре. Каждый человек на свете в единственном! Так-то вот.

— А в голосе его — угроза. Почему он сказал «сравниваешь»? Кого он имел в виду? Неужели...

Непритязательный холодок проник а се сердце. Не-ет, себя не проведешь. И Геннадия тоже. Тут остается только одно: забыть как можно скорее, вычеркнуть из своей жизни тот год — а весны до весны — и никогда, никогда не вспоминать его.

Между тем Геннадий словно забыл о невесе. Он открыл бутылку шампанского, поспешно наполнил стаканы и поднялся с места.

— Дорогие гости! В этот торжественный для меня день я не могу не вспомнить о своих товарищах по профессии. Не пришлось мне прилагать их на свою свадьбу. Но выпить за друзей-геологов полагается! Итак, за тех, кто открывает редкие металлы!

— Значит, и за тебя? — насмешливо спросил в шепот.

Маша всреуслась, подняла голову. На пороге стоял Федя-сплавщик, за ним Клава Листопадова и запоздалый гармонист.

— Штрафную ему! — закричал Геннадий. — Оплодотвори по штрафной!

На правах друга детства Федя сел рядом с женихом, а Клава пристроилась к невесте и принялась шептать ей, какая Маша сегодня хорошенькая и как замечательно, что она вышла свое счастье. От дождя Клава была вся мокрая, ее платье приляпло к плечам и груди. Но Клаву это не огорчало.

Гармонист заиграл вальс. Клава отставила непонятно рюмку, оправила платье и, не дожидаясь, когда Федя пригласит ее, уверенно пошла на середину комнаты, зная, что он последует за ней.

Маше тащившей не хотелось, и они с Геннадием вышли на улицу.

— Ну и дурак этот Федька! — сказала Геннадий. — Что он нашел в этой диле?

— Клава хорошая.

— Дылда! — повторил Геннадий и закурил. Скрип ступеней и мокрые холодные перила напомнили Маше другой вечер. Тогда она стояла на крыльце с Юрием. И так же, как сейчас Геннадий, он обнимал ее за плечи. И, как сейчас, пахло тогда дождем, ершомышками, прошлогодней травой. И еще паровым дымком — прочным запахом бойкой дороги. Мимо станин, которая была совсем рядом, пронеслись курьеские поезда, и она, прикрыв глаза, думала, в какие дали бегут эти вагоны...

— Ты что, спать хочешь? — произнес Геннадий.

— Нет... Так просто. Я люблю поезда. За крошечный глаз — и как будто уносишься в зим...

Геннадий погладил ее по плечу.

— Ну вот и поедешь. Сначала у моря побудем, а там в Якутию. Геологи — народ бродячий; иначе здесь, завтра там.

Этот разговор Маше был приятен. Именно о такой интересной жизни она и мечтала. И судьба оказалась снисходительной, поскольку свела ее с таким человеком, как Геннадий. А впрочем, так ли уж она снисходительна, ее судьба?

— Расчет получала? — спросил Геннадий.

— Вчераше еще... Девочки окружили меня, расплакались и, представь, я тоже...

— Чепуха. Есть о чем плакать! Там работа будет повторнее, чем в детстве. Воспитательницами должны быть Клава Листопадова.

Он затоптал папиросу и рывком, жадно обнял Машу. Но она, обижаясь за Клаву, отстранила его.

— Оставь... Не люблю я этих вольностей. Маша забюро пошла плечами и поднялась на ступеньку выше. Надо, пожалуй, идти в комнату, неудобно же оставлять гостей, но Геннадий, не выпуская ее руки, настойчиво тизуа к себе.

— Куша торопишься, постом...

— Знаешь, что, — сказала вдруг Маша, глядя на него расширенными глазами. — Давай уедем отсюда завтра.

— Что так?

— Не знаю... Тревожно как-то. Раз уж настроились на отъезд, значит, надо ехать.

Геннадий прищурился.

— Боишься, что вернется?

— Кто... вернется?

— Да твой прежний... Юрка, что ли... Я у тебя письмо его нашел в сумочке. И фотографировал...

— В сумочке? Да как ты посмел?

Маша задыхалась от возмущения. Еще секунда, и она ударила бы Геннадия, но той спойкой придержал ее руку.

— Ну, полно... Нашла назва чего расстраиваться? Я муж — и, стало быть, имею право. Зачем тебе его фотокарточка? Порви и брось. Уехал — и черт с ним! Ну, пойдн сюда, глупенька!

Маша ткнулась ему лицом в грудь и заплакала.

...

Путаницу в ее жизнь, как ни странно, внесла старшая сестра, Татьяна. Вместе с мужем она жила в эриморском городке, где Вячеслав Григорьевич командовал полком. В отпуске Маша раз два ездила к ним. Это было приятно и весело. Как все жаркие месяцы, Вячеслав Григорьевич баловал свою красивую жену и ни в чем ей не прекословил. Он молчал, когда она покупала ненужные, обременительные при частых переездах вещи, когда заставляла шумные вечеринки, где главенствовала его азиатка.

И все-таки Маше казалось, что в уютном гнезде Татьяны недостает главного — любви. К грузному, с постоянной одышкой Вячеславу Григорьевичу жена отписалась чуткою ироничностью, называя его «помпидо».

СМЕНА

У ПОЛНОЦЕ
КАМЕННОГО ПЕРЬЮКА

«Вблизи рек Тобол и Анкаре, в камышах у озера Чалартаи, где раньше ютились птицы да рыскали звери, в глухой степи, словно из-под земли, выросли палатки, полевые вагончики, покосные кухни и мастерские совхоза «Восточный»...»
Так начинался очерк о новоселах-целинниках, опубликованный в журнале «Смена» летом 1954 года. В нем рассказывается о молодых новоселах, о самых первых шагах совхоза, родившегося на нетронутых оренбургских землях.

С тех пор прошло более пяти лет. Мне довелось не раз побывать за эти годы в совхозе «Восточный». Я видел, как с каждым годом все явственнее преобразилась степь: крепло, расширялось, набирало сил молодое хозяйство; в борьбе с суровой природой и трудностями целинной индустрии росли и заматывались люди... И так как судьба «Восточного» характерна для нашего сельскохозяйственного производства, хочется рассказать об этом совхозе читателям журнала.

Фото автора.

Продолжалось усиленное освоение целинных и залежных земель. Партия и правительство проявляли большую заботу о новоселах. Молодые целинные хозяйства получали могучую технику. Еще недавно дикая, пустынная степь стала для приехавших сюда добровольцев обжитой, родной, близкой...

К 1956 году в совхозе «Восточный» новосели поладили и основали 45 тысяч гектаров целины, построили 100 жилых домов, школу, пекарню, Дом культуры, столовую, баню, приступили к развитию животноводства. Совхоз стал крупным рентабельным хозяйством.

1956 год на целине был удивительно шедрым. На необозримых полях дозревал богатый урожай. Сергей Лычагин, Иван Гробчак, Михаил Лычанин, Иван Спирыкин и

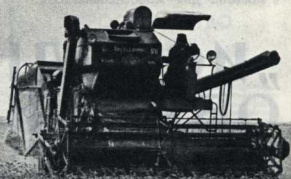
другие бывшие трактористы встали к штурвалам степных кораблей.

Вся страна узнала о героических делах комбайнеров «Восточного». Многие из них счисляли по 70–80 гектаров пшеницы, а Сергей Лычагин довел выработку до 100 гектара в день. На асфальтовых площадях было убрано в среднем по 16,1 центнера зерна с гектара. Целинники «Восточного» сдали государству 3 миллиона 800 тысяч пудов хлеба. Совхоз не только покрыл расходы, затраченные на его организацию, но и получила 15 миллионов рублей прибыли. На эти деньги можно было создать еще такой же совхоз, снабдив его всей необходимой техникой. За самоотверженный труд и выдающиеся успехи в уборке целинного урожая Сергей Лычагин был присвоено звание

В памяти строителей хорошо сохранились те дни, когда степной осенний ветер рвал полотноца первых палаток. А теперь на этом месте вырос уютный, благоустроенный город.

НА ЗЕМЛЕ ЦЕЛЕННОЙ

Героя Социалистического Труда. Семьдесят три механизатора совхоза получили ордена и медали Советского Союза.

Наступила зима. В тот год она была особенно морозной и необычайно метельной даже для зимних мест. Ветер обжигал лица, руки чмокали от колода. Машины заносило снегом, их буксировали тракторами к элеваторам или населенным пунктам. Вот в такую-то непогоду вывозили зерно на бункер...

В феврале 1957 года в Большом Кремлевском дворце открылось совещание молодых целенников. В Москву приехали тысячи юношей и девушек из Казахстана, Алтая, Сибири. Делегатом далекого совхоза «Восточный» был Иван Спирякин. Вместе с тысячами таких же, как он, героев целины Иван аплодировал Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову, вручавшему героическому Ленинскому комсомолу орден Ленина.

В последний раз мне довелось побывать в «Восточном» в нынешнем году, в разгар жатвы. С Сергеем Лычагиным, знатным комбайнером страны, мы шли вдоль загонок, направляясь к его комбайну. Ветер гнал по широкому морю пшеницы золотистые волны.

Сергей рассказывал о своем хозяйстве. К тридцати двум тысячам гектаров, освоенным в первый год, прибавилось еще восемнадцать. Сорос семь тысяч гектаров засеяно пшеницей.

— Хороша она в этом году! — сказал Лычагин. — А главное — дешавая. Центнер зерна обходится в двадцать восемь рублей.

За пять лет в совхозе появилось более 150 домов, контора, детсады и ясли, мастерские. Строится двухэтажная средняя школа. В ней будут учиться многие механизаторы совхоза.

Лычагин называл имена лучших комбайнеров, трактористов, рабочих, говоря об их самоотверженном труде.

Герои-орденоносцы Иван Спирякин и Иван Гробач освоили по

пять—шесть профессий каждый. Нынешним летом они подвозили горячее с железнодорожной станции Шильда, расположенной в двухстах километрах от совхоза, и отлично справились с трудным заданием.

О себе Сергей рассказывал мало и неохотно. Зато с какой теплотой отзывался о нем Иван Дмитриевич Задремайлов, директор совхоза. За четыре года Сергей убрал 6100 гектаров и намолотил 415 тысяч пудов зерна. Здесь, на целине, Лычагина приняла в партию. В нынешнем году его назначили заведующим отделением, доверив 10 тысяч гектаров посевных площадей. Когда созрел хлеб, Сергей решил снова явиться за штурвал комбайна.

Сразу же между Лычагиным и комбайнером Морисем разгорелась «соревнование». Несколько позже в него включились Василий Ильин, за уборку хлебов дважды награжденный орденом Ленина, Василий Демин, Пуктей Джексембаев, Георгий Качаев и многие другие.

Бесперывным потоком идут на элеватор машины. Несмотря на сильную засуху, слано государству миллион семсот тысяч пудов зерна.

Неузнаваемым станет хозяйство за годы семилетия. Совхоз будет получать ежегодно до 4 миллионов пудов зерна. Свой семилетний план по развитию животноводства коллектив обязался выполнить за пять лет. Для этого расширятся и кормовая база. В нынешнем году на площади 1200 гектаров собрано по 350 центнеров кукурузы с початками молочно-восковой спелости. Новая культура превосходно чувствует себя на целинных землях. К концу семилетия «Восточный» будет иметь не менее 33 тысяч овец, 8 тысяч голов крупного рогатого скота, 5 тысяч свиней.

Сейчас, накануне пленума ЦК КПСС, целенники «Восточного» вместе со всеми труженниками полей заявляют: к концу 1965 года страна будет ежегодно получать 10—11 миллиардов пудов зерна!

В. СМЕТАНИН

Глядя на колоссыцелое море пшеницы, Герой Социалистического Труда Сергей Лычагин (второй справа на нижнем снимке) вспоминает, как пять лет назад сизнал новоселам-трактористам: «Завтра проломим первую борозду» (верхний снимок).

"ИСПОЛНЯЮЩИЕ ОБЯЗАННОСТИ"

Группа комсомольцев Климковского машиностроительного завода прислала письмо в редакцию журнала «Смена». Вот что они пишут:

«С волнением перечитываем мы слова Никиты Сергеевича Хрущева, сказанные им в отчетной докладе XXI съезде КПСС: «Надо сильнее выдвигать молодые кадры, не проталкивая их вперед... У нас не редко считают, что человек в 35-40 лет недостаточно созрел для выдвижения на руководящую работу. Это неправильно. У работников техники и достаточным опытом. Наши растущие кадры обладают творческими знаниями и достаточным перу. Таким людям надо дать возможность на практической работе проявить свои способности, показать, что они могут успешно справиться с порученным делом...»

Этот завод обременяет станками производственные фабрики Советского Союза, поэтому авторы письма — на предпринимателях около восьмидесяти квалифицированных специалистов, окончивших вузы и техникумы. Но странное дело: моло-

дые специалисты очень неохотно выдвигаются на руководящую работу. Они предпочитают оставаться на рабочих местах. Дипломатически на рабочих местах считаются специалистами, а инженеры — еи. о. мастерами, а многие молодые специалисты переводятся из цехов в конструкторские бюро или совсем покидают завод.

Дорогие товарищи! Мы молоды. У нас много сил и энергии. У нас есть знания. И мы хотим работать мастерами своего дела, а не считаться долгие годы в должности и. о. мастера или и. о. старшего мастера. Мы не хотим числиться обязанными комсомолу производством и забвению нами быть! Мы никуда не забудем, что учились на средства народа и в долгу перед ним. Пусть нам дадут возможность поработать по-настоящему!»

Редакция заинтересовала письмо климовских комсомольцев. В чем дело? Почему молодые специалисты так неохотно выдвигаются на руководящую работу? Чтобы разобраться в этом, наш корреспондент побывал на Климковском машиностроительном заводе...

ИСПОЛНЯЮЩИЕ ОБЯЗАННОСТИ...

...Зайдя в отдел кадров, секретарь парткома Климковского завода Николай Меркурьев Першов молча перелистал личное дело Ивана Андреева. Говорить было не о чем. Парторготы винны во всем и себя и поэтому испытывая неловкость и раздражение. Что подлащив, если Мособснархоз опять отказал? Отказал, зато кандидатура будущего главного инженера, предложенная руководством и парткомом завода, была одобрена и Подольским горкомом партии.

Речь шла о выдвижении на этот пост инженера Ивана Андреева, проработавшего на заводе без малого двадцать лет и прошедшего здесь путь от «убайкичника» до начальника отдела технического контроля.

Сидящий напротив меня заведующий отделом кадров Перв Федорович Иванов смущенно задвигался на стуле.

— Парень-то замечательный! — сказал он. — Сам завода, если можно так выразиться... Авторитет имеет. Толковый, инициативный.

— Институт с отличием окончил! — добавил Першов, листая страничку — без отрыва от производства. Бывший комсорг цеха, на фронте был парткомом роты. Истребитель.

— Да что жри себе транты! — выдержал Иванов. — Все равно не утвердил! Молод, говорят! Сорюка лет нет еще.

— Надо Андреева вызвать, все ему рассказать. Неловко-то как! — оборвал разговор Першов и збыло повел плечами.

— Скажут по правде, после беседы с парторгом Иван Андреев сильно огорчился. Но не потому, что совнархоз не утвердил его в долж-

ности главного инженера завода. Воспитанный в дружном рабочем коллективе, он был лишен ложного самолюбия; к тому же работа в отделе технического контроля ему нравилась. Его огорчили другие.

— Неужели в Климковское снова будет «превезки» главный инженер! — с горечью сказал он, выслушав все.

В отделе кадров мы узнали, что на заводе за последние девять лет сменилось десять (!) директоров и восемь (!) главных инженеров. Естественно, что за короткий срок пребывания на заводе такие «руководители на час» не успевали как следует войти в курс дела.

В нашу беседу вмешался секретарь комсомольской организации Семён Малкус. Он с горечью рассказал, что частая смена руководителей производства в заводском коллективе. Естественно, что за короткий срок пребывания на заводе такие «руководители на час» не успевали как следует войти в курс дела. В нашу беседу вмешался секретарь комсомольской организации Семён Малкус. Он с горечью рассказал, что частая смена руководителей производства в заводском коллективе. Естественно, что за короткий срок пребывания на заводе такие «руководители на час» не успевали как следует войти в курс дела.

И здесь-то выяснилось, что в неблагоприятном положении с молодыми специалистами повинны не только руководство Мособснархоза, но и руководство завода. Совнархоз не утверждает на командных должностях кадровых специалистов завода, а руководство заво-

да не спешит выдвигать молодых специалистов на самостоятельную работу.

Мы познакомились с конструктором отдела главного конструктора Александром Зирковым. Полтора года назад его направили в литейный цех и назначили помощником мастера. Александр отлично понимал: хочешь быть инженером, хорошо изучи рабочее место. Он начал трудиться с жаром. Обладая широким опытом, приспосаблился к целовой технологии, завел даже отдельную тетрадь, куда выписывал свои наблюдения. Его волновал вопрос: почему в цехе так велики простои оборудования? В чем причина? «Волнует своей участю», — думал он, и добился, чтобы работа шла, как часы.

Не поклевал времени, Охрименко съездив в Москву, разискал свои отчеты по производственной практике на автозаводе имени Лихачева: там он долго работал в литейном цехе. Охрименко вновь побывал на ЗИЛе. В системе организации труда в литейном цехе ЗИЛа ему особенно понравились патинимутка перед окончанием смены. Эта патинимутка, которую так называли «ноготком», занимала большое место в жизни цеха. Саша мечтал вести такую смену так на своей участю. В эти последние минуты смены рабочему планировалось задание на три дня работы. Вот где скрывался секрет отличной организации труда! При такой планировке сменных заданий, когда рабочее место готовится заранее, а не в начале смены, на одну минуту трудового дня формовщики не оказывались потраченной впустую.

— К патинимутному «ноготку», — говорил Саша рабочим, — в нашем цехе должны привыкнуть так же, как к номеру на табельной доске.

Много записей Охрименко и старженевое отделение Климковского завода. Сушильная печь частенько оказывалась не в состоянии выдать нужное количество сухих земляных стержней, необходимых при отливке деталей. Но Саша знал, что на одном из подмосковных заводов в этих случаях используют стержни из сырой смеси. Молодого специалиста заинтересовало это начинание. В своей тетради он записал: «Главные задачи мастера — получить посылку производственности, улучшить организацию труда (проекти три экскурсии на ЗИЛ), механизировать своими силами производство и совершенствовать технологию».

Однако эти задачи так и не были решены. Мастером его не решились назначить. А когда он попытался увлечь литейщиков новыми предложениями, старые мастера-практики сказали: — Ты вот что: не шебарши особол! Порядком новыи не заводи. Без тебя упрямился. Тоже еще, уче-е-е-и-и!

«Почему же так иронично относятся в цехе ко всему новому? — думал Александр. — Ведь все эти начинания, проверенные жизнью, на пользу делу!»

Руководство цеха так и не поддержало молодого специалиста, хотя процент брака и простои оборудования по-прежнему оставались очень высокими. Охрименко чувствовал себя все неувереннее. Получить участю он уже не надеялся, когда в заводском конструкторском бюро потребовались инженеры, Охрименко подумал: «Все-таки инженерным делом буду занят».

Вот так он очутился за кулисами в отделе главного металлурга.

А разве так Охрименко как «конструктором нововелем»? Ушли из цеха молодые инженеры Ильяша Черкирова, Белла Афанасьева и многие другие.

На Климковском заводе мы познакомились с добрым десятком молодых специалистов, у которых недопустимо долго затнулись «кандидатские стажи» в мастера.

В прошлом году в механический цех № 14 направили группу молодых специалистов. Как-то было, следовало открыть элеваторную улицу, но ввиду отсутствия специалистов технического образования. Ведь до сего дня из двадцати пяти руководителей работников цеха — начальник, его заместители, сменные инженеры и мастера — семнадцать имеют образование высшей школы и ниже. Диплома инженера нет ни у одного.

Но как же сложилась судьба молодых специалистов, пришедших в цех? Вот, например, Валентина Кукушина, окончившая Коломенский машиностроительный техникум. Больше год

она работает в цехе сверловочной. Такая же участь постигла выпускницу техникума Нину Буханову и Людмилу Стижину. Уже полтора года Людмила работает слесарем, а Нина — контролером.

— Никому и дела нет до того, что у нас дипломы техников, — жалуются девушки. А когда мы пытаемся поставить вопрос, чтобы нас перевели на инженерно-технические должности, нам отвечают, что мы вряд ли справимся, что с практиками иметь дело надежнее. После таких разговоров нередко опускаются руки.

Выпускник машиностроительного института Леонид Жерохович за два с половиной года работы на заводе «продвинулся» с должности фрезеровщика до «к. о. мастера». А ведь это очень грамотный и добросовестный инженер! Выпускница Московского высшего технического училища имени Баумана Раиса Холодкова, инженер линейного производства, уже год стажировалась на рабочем месте. Срок достаточно большой, не правда ли? Но в линейном цехе не спешат доверить молодую инженеру самостоятельную работу, хотя из тридцати девяти цеховых мастеров всего лишь двадцать имеют законченное среднее техническое образование. Более того, вопреки постановлению Совета Министров СССР о минимальном уровне оплаты инженерно-технических работников дешуже установили оклад, который намного ниже этого уровня.

Такая же участь постигла выпускника Калужинского машиностроительного техникума

вод было написано сорок выпускников институтов и около ста техников. Все молодые специалисты начали трудиться в цехах. Однако большинство инженеров сейчас работает в конструкторском бюро. В чем дело?

Скептики скажут: «Где вы идете глубже, а человек — где лучше». Наверное, это! Но ищут комсомольцы, где лучше, и не стремятся «курвать побольше». Дело в том, что в цехах молодым инженерам и техникам не дают проявить свои знания и способности. Первоначальны и другим предлогам стравиваются на рабочих местах. Молодежь с охотой залась за дело. Однако проходили месяцы, годы; дипломированные техники продолжали числиться помастерами, а инженеры в лучшем случае становились «к. о. мастера». А ведь по положению, утвержденному Советом Министров СССР, стажировка молодых специалистов на рабочих местах не должна превышать шести месяцев.

С Климовского завода недавно уволилось тридцать техников и инженеров, и никто не протестовал против их ухода. Но заводу крайне необходимы грамотные, знающие свое дело специалисты. Интересно отметить, что у трехсот восьмидесяти работников завода, занимающих инженерно-технические должности, нет специального образования, в том числе у начальников одиннадцати крупных цехов, заместителя директора завода, заместителя главного инженера, главного механика, главного конструктора, начальника производства, начальника отдела подготовки кадров.

МЫ ПОКОРЯЕМ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ!

Мне двадцать пять лет. За свою недолгую жизнь я видела много удивительного. И не перестаю удивляться до сих пор. — Я родилась в деревне. В годы войны Отечественная война, мой отец ушел на фронт, и матери, как и все женщины поселка, приходилось много работать. Вспоминаю, она позвала веревки и, растянув печь, сличной загнила фасоль. Загорелась палочка, такая же, как и в центре, она пострадала от бомбардировки.

Электрический свет увидела я после войны, когда станцию полностью восстановили. Мама щепинка выключателем — и над столом вспыхнула электрическая палочка, такая же, как и я закуривала глаза. Это было чудо номер один.

В детстве меня изумляло радио. Помню, как подошла к светлому полнорамному ящику, поворачивала рычажок и неожиданно услышала человеческий голос. На всю низин запомнила слова, которые он вел:

Мы покорим пространство и время...
Мы молодое хозева земли...

Так я познакомились с чудом номер два. В нашей комнате на стенах висели большие семейные фотографии. Я подолгу смотрела на них и мечтала, что, если бы у меня были графики, начала двигаться? Фантазировала — и не могла представить, что мечта может стать реальностью.

И вот я впервые увидела телевизор... На синевато-белом экране улыбались чье-то лицо, вертикально носом, и плыли корабль и дирижабль. Это было чудо номер три. И меня у сиору привлекла и не особенно задумывалась, как это получается. Знала только, что изображение передается с помощью радио...

Затем меня заставил удивляться академик Ваннов. Я присутствовала на лекции, где всем демонстрировали радиосигналы, странные от Луны и возвращались обратно на Землю.

Потом наступили дни, потрескившие не только мной, но и всей нашей АСС со всеми искусственными спутниками Земли, за которыми я наблюдала по ночам. А потом и не могла поверить своим ушам, когда услышала далекие раверты, ставший спутником Солнца, и о запуске первого спутника.

Но вечером 4 октября 1959 года свершилось чудо, не имеющее себе равных. Невероятное стало реальностью: танкетка, облетев Землю и сфотографировав ее невидимую сторону. Словом, я увидела обратную сторону Земли.

Я често любила себя на мысли, что даже зацепив межпланетных кораблей, становится уже привычным делом. Вылететь в космос и чудесам можно привыкнуть. Это значит, свидетельницей каких грандиозных событий могу я стать в самое ближайшее время. Я счастлива, что живу в годы чудесных свершений, что величайшие открытия в науке совершаются на моих глазах. Мне, как и другим молодым хозяйкам земли, хочется отгадать все силы величайшее чудо из чудес: Мис этого чуда — познание!

Я простой тонар машинностроительного завода. Но ведь и тонар может стать покорителем времени, если будет стремиться познать больше!

Мне приходится обрабатывать фланцы для автосамосвалов. Вместе с товарищем мы подрезали торцовые поверхности, а фланцы — то зару — бошующу. Наши операции мало чем отличались. Тогда я подумала: ведь мой станок и станок товарища одинаковы. Почему же они в этот момент расстались 30 метров друг от друга? Не лучше ли поставить их рядом, и одним работником выполнять сразу две операции? Только нужно все нам следует рассчитать. Попробовала — получилось! Вот так и стала работать одна девушка, значительно перевыполнив нормы и тем самым сэкономив много рабочего времени.

И мы счастливы создавать, а также сэкономленные нами средства помогут советским ученым решать труднейшие задачи. Мы знаем, куда направляем на создание, а не на разрушение. Об этом образно сказал Н. С. Хрущев, выступая в Организации Объединенных Наций, во время своего визита в Соединенные Штаты Америки: «Добро пожаловать в мир, где мы собираем миллиарды миролюбивых людей. Я и мои товарищи с радостью и глубоким удовлетворением восприняли предложение о создании в советско-американском комитетом, о том, что все неурегулированные международные вопросы должны быть решены путем применения оружия, а мирными средствами, путем переговоров».

Мы делаем все для сохранения мира. Не стремление и намерение, не погоня за «длинным рублем», а сознательное желание выиграть и превзойти планки. Нам доживает одна одна «добра» в мире, в котором живут и молодые хозяйки Советской страны, готовы штурмовать необозримые просторы космоса и разгадывать самые сокровенные тайны природы!

Людмила МЕДВЕДЕВА,
тонар. Митинского
машиностроительного завода

Кадры в представлении некоторых руководителей.

Рисунок Е. Гурова.

Александра Малинина. Уже больше года трудится он на рабочем месте, и его непосредственный начальник, старший мастер участка, не имеющий специального образования, нередко обращается за советом и помощью к интеллигентному рабочему, как в шуточке арту здесь Александра. Несмотря на его отличную работу, нет никаких надежд, что Александру Малинину доверят самостоятельный участок. А ведь в техникум он пришел не со школьной скамьи и жизненным опытом обладает немалым.

Подобных фактов можно было бы привести десятки. Сколько же времени протянется еще «кандидатский стаж» мастеров-специалтов!

Нас возмущают судьбы Ивана Андреева, Александра Охрименко, Леонида Жероховича, Раисы Холодковой и других. Их печальный пример показывает, как небрежно относятся на Климовском заводе к воспитанию молодых руководителей кадров.

Приведем несколько цифр.
За последние два с половиной года на за-

Однако на заводе боится доверять участки молодым выпускникам вузов и техникумов. Аргумент один: молодцы, ноопытны! И никто не принимает во внимание, что многие из них до поступления в институты и техникумы прошли службу в рядах Советской Армии, работали на фабриках и заводах.

Безоблачно растутая, в Климовске с молодыми специалистами, растущая, не думая о будущем заводе, не стремятся бережково воспитывать командиров производства из числа молодежи. По-прежнему на заводе делают ставку на практиков, не пытаются заглянуть в завтрашний день.

Современного руководителя производства невозможно представить без прочных инженерных знаний. Но свои знания молодые инженеры и техники смогут проявить лишь в том случае, если им доверят самостоятельную работу.

А. МИЛЬЧАКОВ,
специальный корреспондент
журнала «Смена»

Восточные заводы

«Надо прежде всего создать здесь крупный научный центр, дать хорошее направление, чтобы наука шла в жизнь».

Н. С. ХРУЦЕВ

Вместительный зал Новосибирского областного театра оперы и балета был переполнен. На торжественное заседание, посвященное открытию Новосибирского государственного университета, собрался сотня людей.

После маслтых ученых, академиков, ректоров на трибуну поднялся новосибирского роста паренек. Ну конечно же, «от имени студентов!»

И от имени студентов Юрий Ромашенко сказал:

— Мы полюбили свой вуз давно. Еще тогда, когда начинали своими руками строить для него здание, когда жили в палатках. Пока у нас нет ни своей истории, ни своих традиций. Мы создадим их и докажем, что сибиряки — народ сильный во всех отношениях.

Сам Ромашенко — москвич. Но, видно, такова уж природа сибирского края: поживает человек год — да — и, смотрясь, обидится, если его не причислят к сибирякам. А Юрий не просто «пожил» здесь...

Нет, не жалев он что, оставив Московский энергетический, уехал в Омск по комсомольско-путевке строить нефтепровод. Разработчик, проектировщик, слесарь по ремонту строительных машин — все это Юрий Ромашенко. Побывал он и в геологоразведочной партии. А потом прослышал про Академстрой. Туда и отправился Юрий.

Примерно в сотню километров от Новосибирска в железнодорожной насыпи пробит бетонный тоннель. Это «ваход» в Академстрой. Проходят его — и сразу перед тобой, сколько охватит глаз, новые дома. Рядом с ними высятся башенные краны, плиты машины, нетопляемые бульдозеры разрезают огромные кучи щебня.

А пойдешь дальше по «бетонке» — увидишь тут и там остовы больших корпусов и на развилке плывущие своей солидностью надписи на стальных «Иститут механики», «Иститут ядерной физики». Здесь и работает Юрий Ромашенко.

Сейчас уже можно предвидеть, где поднимутся жилые массивы. «Старожилки» ориентированы здесь безошибочно, смело оперируются названиями: «Университетский проспект», «Набережная», «Главный проспект», хотя еще это пока существует лишь в планах архитекторов. Город словно пробивается на поверхность из-под земли. Вот одностоящее строение. Это Советский районский партий Новосибирска, уже переселившийся в свой «районный центр». Вот справа — многоэтажное здание с цветущим сквером перед фасадом. Оно явно обживает: «у подвеза машины, входят и выходят люди». Это Институт гидродинамики, первым вступивший в строй.

Еще один поворот — и дорога выбегает из леса к глубокой трехметровой траншее. Жирной ниткой протянулись вдоль нее толстые трубы. На другой стороне траншеи, прямо в лесу, выросло несколько коттеджей. А если пройти еще дальше, то выйдешь на ту самую «Набережную», которой еще нет. Широкая лестница будет спускаться здесь от города к глади молодого Обского моря.

Город науки, который через несколько лет возмужает на месте нынешнего Академстроя, станет как бы мозгом Сибири. Бурное разви-

тие экономики этого богатейшего края, смелый штурм неисчислимых природных богатств, поиски энергетических ресурсов выдвигают столь же смелые и грандиозные научно-технические проблемы, разрешение которых поставлено семилеткой в повестку сегодняшнего дня. Сама жизнь потребовала создания в Сибири мощного научного центра, который поступил бы к этим проблемам во всеоружии новейших достижений науки и техники.

И такой центр создан. По решению партии и правительства было открыто Сибирское отделение Академии наук СССР, которое должно объединять двадцать отраслевых научно-исследовательских институтов. Такую армию не размахнешь где-нибудь в городе, к тому же все эти научные учреждения должны составить единый комплекс. Было решено построить под Новосибирском научный городок.

Многие видные советские ученые приехали в Сибирь работать в новый научный центр. В их числе академики Лаврентьев, Соболев, Христианович, Работнов, Кокина и другие. А рядом с ними — молодежь, недавно выпускники вузов, аспиранты.

Внуче-президент Академии наук СССР, председатель президиума в Сибирском отделении Михаил Алексеевич Лаврентьев — теперь еще и строитель. Своими мыслями и делами он как бы все устремлен в будущее.

«Мы наладим, пустим эту огромную научную машину, а уж потом вот они, молодежь, должны принять от нас штурвал: за ними будущее!» — эти слова ученого еще точно передают атмосферу устремленности в завтрашний день, царящую в Сибирском отделении Академии наук, которое будет не только огромной лабораторией, но и кузницей научных кадров для Сибири и Дальнего Востока.

Город словно пробивается на поверхность из-под земли. Фото автора.

Может быть, только сами ученые способны в полной мере оценить то, что происходит с наукой на наших глазах. А происходит сканок, когда наука переходит в новое качество; если раньше она главным образом объясняла, то теперь она создает. Создает новые синтетические вещества и чудесные материалы, которые не знала природа; открывает и ставит на службу людям новые источники энергии; создает новые машины и электронные аппараты. И, конечно, в таких условиях сама наука должна иными глазами посмотреть на себя. Практика, жизнь решительно опроркинула извечные перегородки между отдельными отраслями естествознания. Решение кардинальных проблем все чаще впрягает в одну упряжку химию и математику, физику и биологию.

Вот почему новый научный центр Сибири создается не только в новых, но и в традиционных землях науки и техники, но и в соответствии с новым качественным состоянием всей науки.

Не ищите название «Новосибирский государственный университет», спрашивая, где поступающих в вузы и техникумы: его еще не успели туда внести. Но университет живет, работает, создает свои традиции. Об этом и говорил студент Юрий Ромашенко, с которым мы уже познакомились на торжественном заседании в Новосибирском областном театре оперы и балета.

Первый год перестройки народного образования, начатой по инициативе Центрального Комитета партии, ученые Сибирского отделения Академии наук ознаменовали созданием нового типа. Дека единственного покая в университете естественного факультета Борис Осипович Солонучу очень метко определили сущность нового учебного заведения, назвав его заводом-вуздом в науке. В университете студенты будут получать образование в многочисленных лабораториях и мастерских, оснащенных самыми совершенными установками и оборудованием, — овладевать своей будущей специальностью, методами научных исследований.

И для университетских специальностей: математика, механика, физика, химия и геологогеофизика — будет базироваться на соответствующих научно-исследовательских институтах. Не старших курсах, когда студенты приобретут необходимую теоретическую подготовку, они будут включаться в разработку проблем, которые решают непосредственно эти институты.

По правде сказать, руководители университета поблажались: что за люди придут к ним! Ведь университет создавался: он призван готовить научные кадры.

Первыми и самыми почетными студентами нового вуза стали академичками — юноши и девушки, которые, подобно Юрию Ромашенко, приехали строить город науки по комсомольско-путевке бригадиров разнорабочих Ирина Могрица, Бетонщик Юрий Цесаренко, киевчанин Борис Неманш и десятки их товарищей заняли свои места в аудиториях НГУ. Среди почти трехсот студентов дневного и вечернего отделений более двух третей составляют молодые люди, получившие трудовую записку.

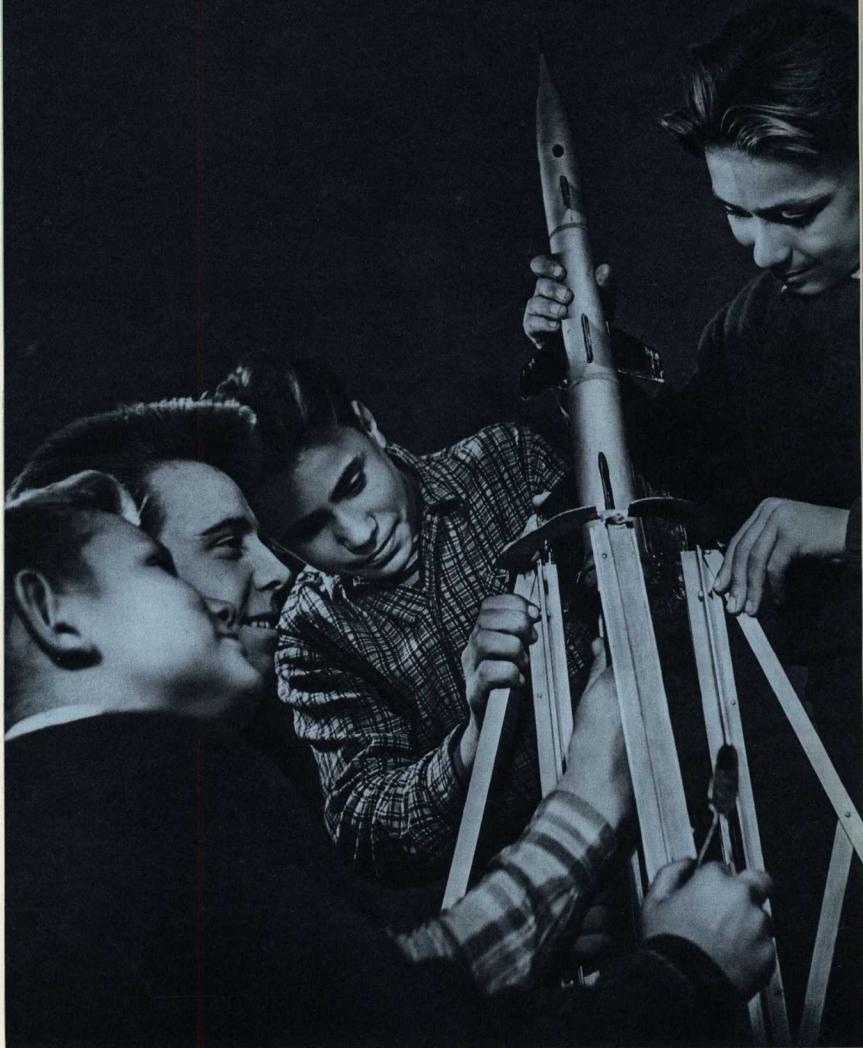
Короткая, в одну страничку, биография студента Анатолия Кончакова пестрит названиями профессий и мест работы: матрос, боцман, крановый машинист, конструктор, грузчик, электромонтер, радом — Арктика, порт Находка, металлургический завод и, наконец, Академстрой. И так, как Анатолий, здесь большинство. Это люди достаточно молодые, чтобы успеть многое сделать в жизни, в науке, но и достаточно зрелые, чтобы создавать, для чего они пришли в вуз и какой с них будет спрос.

А спрос будет по самому большому счету! Ученые Сибирского отделения и члены-корреспонденты Академии наук пропустили через свои руки каждого абитуриента.

Новый университет — четвертый университет Сибири — родился. И пусть его первый учебный год начинается в здании школы, пусть еще не совсем устроена жизнь его питомцев — первый шаг в науку сделан.

Новосибирск.

В. ГАНЮШКИН

Это двенадцатилетний по счету ракета, сделанная руками юных конструкторов детской технической станции в г. Косино. Вторая ступень ракеты с двухсотметровой высоты спускается на парашюте. Пока это предел... Как знать, может быть, среди этих ребят — будущие ученые, инженеры, ракетчи, которых полетит на Марс и Венеру!

Слева направо: Юра Черванов, Боря Богомолов, Толя Соловьев и Толя Генералов.

Фото В. Сакка.

Далеко в Саянах

Фото С. Кропивницкого.

Вперед, и только вперед, навстречу непогоде, идут отважные разведчики алмазов.

Артист Евгений Урбанский в роли Сергея — рабочего и проводника поисковой партии.

Тани (Татьяна Самойлова) и Андрей (Василий Ливанов) в гористой тайге.

Кадр из фильма. Геологи переходят вброд реку.

Познакомьтесь: молодой поэт

Я рию пылает тайга. Гигантские языки пламени ликут веновые деревья. Но что это? В огне медленно движется открытая теленка. На ней с камерой в руках — человек. Лице его зашито огнеупорными асбестовыми бинтами, оставлена только узкая щель для глаз. Так в Сивинской тайге минеролог Сергей Урусовский, известные по мартине «Летит журавли», снимают новый фильм «Неотравленное писемство».

Возле по склонам рассказов Варяги. Осина.

Но если оператор может зайти к себе от огня, то авторам, снимающим в этой сцене, сделать

М. Калатовский (слева) и С. Урусовский за работой...

это труднее. И когда звучит команда режиссера об окончании съемки, они бросаются в проточную реку, подалеку речку.

Вот авторы «вступились» и за животных, мокрые, подождают и режиссеру. Давайте познакомимся и с ними, тем более, что двое из них уже вам знакомы. Вот Татьяна Самойлова. Впервые совместно с зарубежными минерологами увидели золотую антуру в фильме «Летит журавли». Она всем запомнилась, полюбилась. Сейчас Самойлова продолжает работать вместе с М. Калатовским и С. Урусовским. В фильме «Неотравленное писемство» она играет главную женскую роль — геолога Таню.

Евгения Урусовская, дебютировавшая в фильме «Коммунисты», сейчас играет рабочий Сергей. Ле-

до время съемок в гористой тайге Татьяна Самойлова обогнала ручьи. И когда символизирует долина криной речки, то Самойлову на «общем плане» подменила работница одной из шахт Гальвы Сербианова.

нинградский артист Иннокентий Смоктуновский исполняет роль начальника геологической партии сабинкина. И, наконец, молодого геолога Андрея играет самый юный актер — Василий Ливанов.

...Выслушав указания постановщика, авторы расходятся по местам. Снова садится на операторскую теленку С. Урусовский. Звучит команда, и над тайгой опять вспыхивает пламя гигантского «инюшара»...

Вот уже шестой месяц снимается фильм. Где только не побывала съемочная группа за это время; и на строительной одной из крупнейших в мире электростанций — Красноярской ГЭС, и на затопленном весенним разливом островах Енисейского тундрового заказника Байн-Куол, и на мрачных, но живописных горных «моглильниках» одноступенчатых трудноразрушимых хребтов Западного Саяна, на высоте оно три тысячи метров, куда многочисленным съемочной аппаратуре и осветительным приборам пришлось подняться на ручьях.

Сторо фильм «Неотравленное писемство» выйдет на экраны страны.

В. ДМИТРИВ

Красноярский край.

Поэта зовут Владимир Фирсов, а книгу — «Березовый рассвет».

Прочитайте эту книгу. Она интересна тем, что раскрывает мир современного деревенского парня. Фирсов пишет о родной природе, о первой любви, может быть, еще только придуманной, но уже постоянной и верной, о своих друзьях и близких, и повелевает кажется, что юноша пытается унести нас в идиллический мир, где поют соловьи, бродят пастухи, воркуют голубы, идут дожди, медленно плывут по рекам лодки. И вдруг из этого спокойного и ровного повествования вырываются строки:

А здесь, на этом белом свете,
На жизнь, не закрывая глаз,
И перод Родной в ответе
За каждый день,
За каждый час.
В ответе даже за мгновение,
Веселью пропитанное мной...
Удья, удья,
Услышанные,
Попа жинькой...

Эти строки, может быть, именно потому кажутся мне достоверными, что они не стоят в ряду риторических стихов, а возвышаются над строками о мыслях сердца автора цветах, травах и дубравах. Владимир Фирсов, рисуя пейзаж за пейзажем, убеждает нас в том, что любовь к природе — неотъемлемая часть духовного мира советского человека. Однако мне кажется, что в подобном подборе стихов, каждое из которых как бы противостоит декларативности его слов, особая декларативность: вот я какой деревенский! Будучи человеком городским, я вовсе не собираюсь противопоставлять городское деревенскому, но Владимир Фирсова, вполне или невольно, пробивается иногда противопоставление деревенского городскому. В сборнике напечатано стихотворение

Владимир ФИРСОВ

«Не ты», обращенное к девушке, которая не косила в рассветных лучах, не видела, как цветет ландыш и на смену ему зацветают фиалки, не выращивала лен и рожь. Поэт говорит:

Ты красивая Да,
Но твоей красотой
Слишком мало
Для тех,
Кто родился в России!

Справедлив ли этот упрек? Правильна ли вывод? Ведь жизнь многих юношей и девушек в нашей стране исторически сложилась по-иному. И разве заводской труд и учеба не позволяют им быть по-настоящему красивыми? Тут поэт, по-моему, перекатывает и претенду на широту, продемонстрировав досадную ограниченность. Возможно, именно из-за этой «установки» некоторые пейзажи не удалось Фирсову, как кажется на картинках, а лишь былыми набросками.

Но о поэте судят прежде всего по его удачам, а удач в книге

Владимира Фирсова немало. Взять хотя бы его стихи об осени. Поэт без индивидуальности потрещался бы вести разговор об этой поро, ноющей местности — все уже, кажется, написано, все сказано. В «Березовом рассвете» очень хорошие стихи об осени. Отличная конюшка у стихотворения «В лесу»:

Лес умирает
Тордо и красиво,
Угрюмый в бессмертии своем.

На мой взгляд, у Владимира Фирсова есть свой поперек. Я уверен, что через несколько лет встретусь с новыми книгами Фирсова, узнаю его стихи среди стихов его сверстников. Мне бы хотелось, чтобы в будущих книгах молодого поэта было больше рассказов о том новом, что происходит и произойдет в жизни сельской России.

Первая книга Фирсова посвящена в пакеты отца — коммуниста Ивана Фирсова. Автор вышел в посвящение высокое звание своего отца — коммунист. Коммунистам старших поколений очень хочется знать, как проявляются и укрепляются коммунистические черты в нашей повседневной жизни. Иной раз в творчестве молодых поэтов замечается какую-то степенность перед тем новым, что есть в жизни, которую боюсь нарушить лирическим строй стихов о природе. В тех стихах, где Владимир Фирсов говорит об этом новом, лирический строй отнюдь не разрушается.

Хочется надеяться, что молодой поэт, окруженный добрым вниманием читателей, будет строго относиться к себе, к своим стихам.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

ПРЕДИСЛОВЬЕ

Любовь и кровь —
В огне, в дыму.
Не протеканию столетий
Стоял рядом, потому,
Что были за тем в ответе —
Россия, деревья земля!
Твои нелегкие победы —

Могли предедов и дедов,
Могли и стены Кремля.
Но над могильным холмом,
Над маршлом холодных плит
Костром немуреникум горит
В бою удержанное знамя,
И звезды, искры золотые,

Дрожат над пламенем костра...
Не молодая и не стара
Жизна, живет моя Россия!
И в ней чиста моя любовь,
Чиста, как жизни предисловье.
Так пусть
Все то же слово — кровь —
В веках рифмуется с любовью!

НА РАЗЪЕЗДЕ

Зеленый зрачок светофора
Меня, как и прежде, зовет
Вернуться в тот город, в котором
Любляная мною живет.
— Скорее! — зовут километры.
— В дороге! — гудят паровозы.
И слыть, обитые ветром,
Скользят в темноту, под откос...
Уехать. Быть рядом с любимой —
Чего еще надо, чего!
Види это же счастье.
... Но имхо.
Пройду, но окликнув его.
Ошавше листья устало
Шуршат на холодной земле.

Покрытые иномем шпалы
Белеют в предугрежденной мгле.
Уехать. И выйдет, что даром
Работан и в стужу и в зной.
Березы в талагах дождю
Давно подурнулись со мной.
Я стал здесь не только не
лишним,
А нужным и даже родным.
Здесь мною посажены вишни
И яблонки, строем прямыми.
Уехать... Такого не будет!
Пусть поезду уходит звени.

В меня здесь поверили люди,
А ты вот... не верши в меня.
Сидишь себе в теплой квартире,
Московской проливной гордысь...
А мне суждено в этом мире,
Не глядя тротуаров, а враз!
Здесь уехать вологата,
Чтобы шире възмалужу хлеба.
Я сам эту выбрал работу,
А ты-то решила — судьба!
Пусть даже судьба, и переучу,
Ничуть не жалую о том!
И все-таки, знаешь,
До встречи! —
Вот здесь, на разъезде глухом...

УСПЕХ

Фото М. Муразова.

«Актрисой, дорогая моя, вы никогда не будете», — сказал маститый педагог и плавно развел ладонями руками.

«Не будете, не будете!» — гулко отдавались шаги в коридоре.

«Не будете!» — пискнула пружина и торопливо захлопнула тяжелую дверь театрального училища.

А ровно через год другой педагог, поздравляя новую студентку, уверенно говорил: «Вы будете настоящей актрисой».

Упрямоство! Самоуверенность? Нет, вера в свое призвание.

День за днем побуждало время — время большого и кропотливого труда Елены Королевой, студентки театрального училища имени Щукина. Дикция, фехтование, история литературы и театра... Учиться было совсем не

просто, а порой и тяжело. А если у тебя небольшой рост и амплуа трагедии — исполнительницы мальчишеских ролей, — то временами даже не очень интересны. Маленькие эпизоды и отдельные сцены, шаркающая, старушечья походка и ломкий голос парнишки — первые вехи на актерском пути. Но, вероятно, нигде так не верно, как на сцене, известная и чуть перефразированная поговорка: не роль красит актера, а актер — роль.

Сцена... Небольшое пространство дощатого пола, вырванное прожекторами из темноты зала — зала, полного незнакомых и внимательных глаз. Перед этими глазами волнуются, выходя в тысячный раз, известные актеры.

А как передать чувства студентки, дебютирующей на сцене профессионального театра?

Московский театр имени Ермоловой. Спектакль Брехта и Фейтвангера «Сны Симоны Машар».

Премьера и аншлаг.

В заглавной роли — Елена Королева.

Растерзанная Франция, обезглавленная предателями перед стальной лавиной гитлеровских танковых армий. Маленькая гостиница под вывеской «Смена лошадей» в маленьком провинциальном городке. День — два, и на смену французской кавалерии сюда придут немецкие танки. Но у каждого свои дела: хозяин гостиницы — типичный буржуа — господин Суло занят, как всегда, заботой о своем кармане, другие обеспокоены собственной судьбой.

А судьба растерзанной Франции волнует только одну девушку — служанку гостиницы

Симону Машар, золушку с кастровыми в руках и с книжкой о героической Жанне д'Арк.

Подвиг пастушки по имени Жанна из деревни Дом-Ремю не дает спать спокойно служанке Симоне Машар.

Сны Симоны. Ангел с лицом и голосом ее брата, погибшего где-то на Луаре, зовет Симону к подвигу. Сны перекликаются с жизнью: так же беспомощно бегает в королевской короне мэр города Шавз, холодной и жестокой остается под мантией королевы мадам Суло, и только простые французские парни — шоферы гостиницы — становятся верными солдатами Симоны — преемницы Орлеанской девицы.

И сны становятся явью: маленькая Симона совершает героический поступок — поддвигает

склад бензина, услужливо предоставленный расчётливым Суло немецким оккупантам.

Симона Машар в исполнении Елены Королевой — тихая, задумчивая девушка. С чистым голосом и чистой душой. Навяная и мечтательная. Решительная и беспрядельно смелая. И глубокая вера в то, что она должна повторить подвиг Жанны д'Арк, делает Симону подлинно трогательной и по-настоящему героической.

Когда смотришь на Симону Машар — Елену Королеву, то полностью веришь, что она может быть только такой, и никакой другой. Она единственная, неповторима.

И это беспорный успех и актерская удача Елены Королевой.

Эл. ЛЕОНОВ

На подступах к "0.10"

В. ВИКТОРОВ

ЗНАКОМСТВО С ТРОМ

Нельзя разменивать свои силы — к такому выводу пришел Федосев, подытожив итоги сезона. Надо все внимание сосредоточить на чем-нибудь одном. Этим одним все еще оставался для него прыжок в длину. И зимой 1956 года Федосев добился выдающегося результата: прыгнул (в закрытом помещении) на 7 метров 50 сантиметров, а летом повторил этот прыжок и на Спартакнаде народов СССР, завоевав золотую медаль.

На этих соревнованиях испытывал свои силы никому еще не известный тогда юноша из Львова — Игорь Тер-Ованесян, который вскоре стал чемпионом спартакиады учащихся и был включен в олимпийскую команду.

Олег Федосев познакомился с Игорем Тер-Ованесяном и быстро подружился с ним. Оба настоящие, целеустремленные, они и внешне были похожи друг на друга — стройные, длинноногие, спортивного склада ребята. С первого же дня их знакомства между ними разгорелась острая спортивная борьба. На отборочных соревнованиях в Ташкенте она дала новый рекорд по прыжкам в длину: Олег Федосев пролетел по воздуху 7 метров 76 сантиметров. Игорь Тер-Ованесян отстал от него всего на 41 сантиметр.

Оба они и представляли советскую команду на XVI Олимпийских играх в Мельбурне. Они успешно выступили и в предварительных соревнованиях, но так волновались, начав борьбу в финале, что не смогли раскрыть своих возможностей. Олег остался восьмым, а Игорь ни разу не удавалось прыгнуть выше отметки. Но поездка в Мельбурн принесла друзьям не только одни огорчения. Они увидели сильнейших спортсменов мира, наблюдали за прыжками американца Фредери Багала, победителя XVI Олимпийских игр, познакомился с почетным гостем олимпиады Джесси Оузаном и с да Сильвой. Бразилец снова получил золотую медаль, а Щербakov выступил неудачно.

Вернувшись в Москву, Олег с новыми силами приступил к тренировкам. Отныне у него появились соперник — символский, в виде цифр «8 13», — самый настоящий — Игорь Тер-Ованесян.

ДВА ВРАГА: «ЗАСТУП» И «ШАГ»

Летом 1957 года Игорь Тер-Ованесян побил рекорд Федосева, прыгнув на 7 метров 77 сантиметров. Но мог не думать Олег и о тройном прыжке: он знал, как быстро росло мастерство Олега Рыховского, ташкентского студента, с которым Федосев познакомился перед отъездом в Мельбурн. Рыховский, завоевав серебро на землянках за шестнадцатиметровой отметкой.

Это заставляло Олега работать еще более напряженно, еще внимательно прислушиваться к каждому замечанию своего тренера, Сергея Ильича Кузено-

ОУЗЕН ИЛИ ДА СИЛВА!

Когда услышал Олег это имя — Оузан? Может быть, еще в детстве, когда к отцу, Георгию Анатольевичу Федосеву, приходили друзья по спорту и обсуждали всякие события на стадионах мира? А может быть, мальчик впервые узнал о «черной молнии» на пионерском стадиончике в Звенигороде? Там он совершил первый в жизни прыжок, и пионерожата, замеряя расстояние, торжественно объявила:

— Четыре метра пять сантиметров. Этот ты рекорд самого Оузиса победил!

Так или иначе, но в двенадцатилетнем Олге Федосеве знал, что рекорд Джесси Оузиса — самый блестящий в мировой легкой атлетике, что 25 мая 1935 года Оузан совершил свой феноменальный прыжок, пролетев от планки до места приземления 8 метров 13 сантиметров. Никому не удавалось с тех пор перекрестить этот результат.

Давно сошел Оузан со спортивной арены: но его имя неизменно звучало на каждом крупном состязании: атлеты разных стран продолжали с ним затевать спор.

Олег Федосев учился в 214-й школе Октябрьского района Москвы, недалеко от стадиона «Ишневик», где его отец вел тренерскую работу. Когда сыну исполнилось четырнадцать лет, Георгий Анатольевич предложил ему поспешать затевать. Каково же было удивление сына, когда он услышал о примере отца ледовым сорokoдом. Но уже в эти пору мысли Олега о спорте все чаще связывались с заколдованной цифрой «8 13», с образом стремительно несущегося по дорожке негра. Вскоре Олег перешел в легкоатлетическую секцию. И, как это бывает, неожиданно для себя увлекся еще

одним видом легкой атлетики — тройным прыжком...

Мировой рекордсмен по тройному прыжку бразилец да Сильва в который уже раз вносит поправки в собственные результаты. На XV Олимпийских играх в борьбе со Щербakovым он установил новый мировой рекорд — 16 метров 22 сантиметра.

Чтобы добиться такого результата, — говорил тренер О. В. Константинов юноше, — конечно, одного прямого разбега, как в обычном прыжке, недостаточно. Здесь требуется все большее нарастание скорости, как при взлете ракеты. Для того, чтобы выйти на «сорбиту», прыгун должен трижды взлететь в воздух. Первое движение, когда спортсмен отрывается от дорожки разбега, называется «скачком», второе — «шагом». Лишь после двух этих этапов, набрав поистине реактивную скорость, атлет совершает последний, третий взлет — «прыжок». Это похоже на рикшет, которым забавляются ребята, пуская камешки по поверхности воды. Но одно дело легкий плоский камешек, другое — человеческое тело. Техника тройного прыжка требует высокого искусства, умения сыграть «скачок», «шаг» и «прыжок» в единое целое.

Какая же нужна четкость, чтобы на огромной скорости не ошибиться ни на один сантиметр! Малейший просчет в ширине шага грозит прыгуну «садулом». Если на пластяниновой планке, отделившейся планку от ямы с песком, окажется хотя бы небольшая винтика, результат не будет засчитан.

Олег улавливал сложность и разнообразие движений, из которых складается тройной прыжок. Не жалея времени, тренировался в молчаливом спорте. Его усилия были вознаграждены: летом 1954 года он установил всесоюзный юно-

шеский рекорд в тройном прыжке — 14 метров 62 сантиметра.

Это вообще был удачный сезон для Олега. На Всесоюзной спартакиаде учащихся ему удалось занять призовые места во всех трех прыжковых номерах программы. Но если по прыжкам в высоту он занял лишь второе место после длинноногид Берхина и в тройном прыжке тоже оказался вторым, то в прыжках в длину никто не смог отобрать у него победы. И снова Олег Федосев мысленно увидел перед собой голубой флажок мирового рекорда, воткнутый в землю Джесси Оузаном девятнадцать лет назад.

В этом же году Олег стал студентом Московского института физкультуры. Товарищем его по учебной группе оказался Леонид Щербakov. Знаменитый спортсмен, соперник да Сильвы, быстро подружился с Федосевым, охотно знакомил его со всеми «секретами» тройного прыжка. Однажды Щербakov предложил Олегу тренироваться вместе у Николая Георгиевича Оюлина — бывшего рекордсмена Европы по прыжкам с шестом, автора ряда книг по легкой атлетике. Узнав, что Федосева ввечет к двум видам прыжков сразу, опытный тренер посоветовал Олегу избрать все же своей целью Оузана, а не да Сильву.

В то время, как Федосев стремился раскрыть секрет победы Джесси Оузиса, Щербakov продолжал свой спор с бразильцем да Сильвой. Надо сказать, что усилия Леонида Щербакoва давали более благоприятные результаты. Он превалил мировой рекорд бразильца на один сантиметр. Как же мог Олег не загореться этой борьбой? Ведь она проходила на его глазах... Когда в конце зимы 1956 года стало известно, что да Сильва снова вернула себе мировой рекорд, прыг-

ва. В прошлом Сергей Ильич сам владел рекордом страны по прыжкам в длину, и он поставил перед Олегом задачу: прыгнуть на 8 метров.

Легко сказать — прыгнуть! Для того, чтобы приблизиться к результату Оуэна, надо было значительно увеличить скорость разбега, а это сразу же выявило серьезный недостаток в технике Федосеева: он непроизвольно растаптывала последние три шага, нарушая этим точность разбега, и частые заступы сводили на нет все его усилия. Каждый шаг обнаруживался следы его шнуров на пластялиновой дорожке в плавкой, и судейское решение не считалось преследовало его буквально по ногам.

— До тех пор, пока не научился выдерживать шаг при прыжке в длину, о тройном и не думать, — сказал Олегу во время одной из тренировок Кузнецов.

Всю зиму и весну 1958 года продолжалась эта борьба с «врагом № 1 — заступом». И в конце концов Олегу показалось, что он достиг успеха. На личном первенстве СССР Федосеев добился победы над Тер-Ованесяном. Но на матче с легкоатлетами США он снова из шести попыток смог использовать лишь одну. Снова заступы мешали ему показать высокий результат. Где же тут, действительно, думать о тройном прыжке! А Олег Раховский победил — поистине потрясающей победы. Он побил мировой рекорд да Сильвы; длина его прыжка равнялась 16 метрам 59 сантиметрам.

Федосеев рукою товарищу, Федосеев невольно подумал о том, что, если бы он сосредоточил свои усилия на этом прыжке, сегодня могли бы поздравить с успехом его. Но тут же отбросил прочь эту мысль. Он будет готовиться к борьбе с Оуэнсом.

Олег снова и снова вымеривал дорожку, рассчитывая на ней каждый шаг, без усталости испытывая точность своих движений в прыжке в длину, и наконец поздней осенью его тренер сказал, что заступ побежден. И тут же Сергей Ильич переключил внимание Олега на тройной прыжок.

Но здесь перед Федосеевым стояла еще более сложная задача: ему необходимо было справиться с «шагом». Как выяснилось, он плохо использовал скорость, возникшую после скачка, и поэтому «шаг» его не превышал 4 метров. Требовалось увеличить длину «шага» хотя бы на метр. Только при этом условии он получит шанс выиграть в спортивном споре с Раховским.

Для любого пешехода ширина шага, достигающая 3 метров, предельная, но для прыгуна это неудача. И всю зиму продолжались поиски тренера и спортсмена. В результате «шаг» Федосеева все ближе подходил к 5 метрам. Это был верный признак того, что Олег готов к борьбе за мировой рекорд.

ГОЛУБОЙ ФЛАЖОК ПОЗДИ... И ВПЕРЕДИ

Олег получил диплом преподавателя.

Как хорошо после зимнего мажика снова оказаться на свежем весеннем воздухе, начинать новый спортивный сезон!

Встреча сильнейших легкоатлетов в Нальчике предусматривала соревнования по прыжкам в длину и тройному прыжку в один день. И все же Федосеев твердо решил проверить свои силы и в

том и в другом. Первая часть задания была решена им успешно. Победив в прыжках в длину, он через 5 минут взял уже старт в новом соревновании.

Первый тройной прыжок был для Федосеева как бы пристрастной, второй закончился с результатом 16 метров 19 сантиметров. Теперь предстояло попытаться показать максимальную скорость...

Слегка пригнувшись, Федосеев постоял несколько минут и начал разбег. Вот как-то уже позади, вот Олег расклатался над дорожкой в гигантском «шаге». И вот, наконец, прыжок! Федосеев успел заметить под собой голубой флажок мирового рекорда и в следующее мгновение почувствовал вала под ногами песок... Земля встретила его восторженным грохотом аплодисментов.

16 метров 70 сантиметров — такой отныне новый мировой рекорд. Кажалось бы, тот весенний день

в Нальчике должен был завершить долгий спор, который вел с самим собой Олег Федосеев. Даже не ясно теперь, в чем его спортивное признание? Конечно же, в тройном прыжке! Олег именно здесь оказался сильнейшим! Недалеко от друга Леонида Щербак так стремился передать ему весь свой опыт, а сейчас прислал товарищу в Нальчик ликующую телеграмму.

Прошло всего три недели, и Федосеев стартовал снова, но этот раз в Москве, на матче легкоатлетов РСФСР, Украины, Москвы и Ленинграда. А рядом с ним был его давний соперник и друг Игорь Тер-Ованесян. Это же могло значить! Неужели Игорь пожелал испытать свои силы в тройном прыжке? Нет, это Олег решил не отказываться от борьбы в прыжке с разбегат! Был момент, когда Тер-Ованесян совершил в его успехе: Федосеев показал высокий результат — 7 метров 77 сантиметров. Но вот на старте Тер-Ованесян. Он устремляется вперед, и судья фиксирует прыжок, который до сих пор не удавалось еще ни одному европейцу: 8 метров 1 сантиметр...

Уже потом, когда улеглись страсти, Игорь признался Олегу, что именно он развелся от своего прыжком, что он, Олег, мог ему прорваться к новому рекорду. А Федосеев после этого попытался улучшить свой мировой рекорд в тройном прыжке. И он прыгнул с результатом 17 метров 7 сантиметров! Но что это? Почему судья показывает на плянку? Неужели заступ! Да, в самый последний момент судья обнаружил на пластялиновой дорожке сава заместую заматину. И снова знакомое ему считаться перечекивало усилия спортсмена.

Как знать, не была ли вызвана эта досадная неудача тем, что Федосеев заглянул в часть своих сил растрастил до этого в борьбе с Тер-Ованесяном? Зачем же размещать свои силы? Может быть, поэтому Тер-Ованесян и имеет такое преимущество? И разве не свидетельствует о правильности его действий пять всеоуржих рекордов, которые Тер-Ованесян установил за последние три года в прыжках в длину?

Что же что же остается делать? Отказаться от борьбы? Предоставить другим разделиться наконец с рекордом Джесси Оуэна, с рекордом, которому скоро исполнится двадцать пять лет?

Нет, Олег Федосеев не откажется от единственности и в Тер-Ованесян, но с цифрой «8, 13!»

Игорь Тер-Ованесян и Олег Федосеев хорошие друзья...

КНИЖНАЯ ПОЛКА

«ПЕРВЫЙ ГОД»

Первая книга молодого прозаика Бориса Зайцева — произведение, во многом дубового-графичное. В Зайцева после окончания Ростовского университета преподавал русский язык и литературу в средних школах города Новошахтинска. Это период жизни он и воспринял в своей повести.

Глазами Витора Петровича Логова, молодого учителя, чуткого, умного, хотя и неопытного еще человека, мы видим жизнь небольшого, но наблюдательного шахтерского поселка. Лучшие страницы повести посвящены описанию занятий в школе, когда наиболее полно раскрываются характеры учеников и учителей. Автор внимательно следит за жизнью своих героев, не упуская их чувств и переживаний.

Повесть «Первый год» — удачный дебют молодого писателя.

КНИГА

О «ЧЕШСКОМ ГЛИННЕ»

Есть у чехов один день в году — 12 мая, — когда в театрах, концертных залах, по радио, на улицах и

площадках — везде слышится музыка Бедржиха Сметаны. В этот знаменитый Сметаны открываются международные музыкальные фестивали «Грамская весна».

Творчество Сметаны пронинуло своеобразием и идеями своего и близко чешскому народу. Оперы «Идишце», «Дальборг», «Проданная невеста», симфонические поэмы «Моя родина», квартет «Из моей жизни», симфония «В честь Янеки Чехославии». Особенно близки и понятны музыка Б. Сметаны советскому слушателю.

Недавно в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга Э. Гуландиса «Бедржих Сметана» — первая на русском языке биография великого композитора. Автор привлек много любознательных биографических материалов. Он посетил много интересных и захватывающих чешских чitateлей.

РАССКАЗ БЫВШЕГО АРЕСТАНТА

Низ замечательного чешского писателя Карела Чапека хорошо известно советскому читателю. Лучшее его произведение — романы, пьесы, многочисленные рассказы и очерки — звали являлись принятию во всем мире.

Во время написания над Чехословацкой угрозой фашистской оккупации Чапек активно выступает против реакции и открыто выражает симпатии Советскому Союзу. Его роман «Война с саллимандами», пьеса «Белая болезнь» представляют собой сатирическое обличение фашизма, призывают к борьбе за мир и демократию.

В публикуемом нами «Рассказе бывшего арестанта», написанном в 1929 году, Карел Чапек ясно критикует буржуазный тюремно-полицейский аппарат, для представителей которого личная выгода и «честь мундира» дороже всего.

На русском языке рассказ публикуется впервые.

— Председатель тюрьма — это пустяк, этим никого не удивишь, — сказал писатель Яндера. — А вот приключилось же вам слышать о таком поистине невероятном случае, когда вор сам размышляет об исправленном? Я, к вашему сведению, был в таком положении.

Недавно написал я рассказ. И вот, когда я стал читать его уже впечатанным, меня вдруг охватила какая-то безотчетная тревога. «Постой, постой, — сказал я себе, — нечто подобное ты уже где-то читал? Черт возьми, у кого ты украл эту вещь?»

Три дня я ходил, как чумная овца, и все не мог решить, у кого же это, как говорится, слышал. Встречая приятеля, говорю ему: «Послушай-ка, дорогой, мне все время мерещится, что последний мой рассказ у кого-то украл. Скажи мне, как же, я с первого взгляда заметил, — отвечает он, — это ведь стаяно у Чехова». Тут у меня словно камень с души свалился, и, когда мне потом случилось бесцельно бродить по одному знакомым критиком, я ему и говорю: «Вероятно, ли, иногда допускаешь плагиат, сам того не ведая: вот, например, оказался, что мой последний рассказ украден». «Я знаю, — отвечает критик, — ведь это из Мопассана».

Так я обошел всех своих друзей. И послушайте: если человек крадет преступлений, то остоновиться он уже не может. Представляете себе, оказалось, что этот рассказ я украл еще у Готфрида Келлера, Диккенса, Д'Аннуцио, из «Лысики и одной ночи» у Шарля Луи Огюста Ламанна, Шторма, Гарди, Андреева, Бенделло, Розетгера, Реймонта и целого ряда других. Вот вам живой пример того, как человек все глубже и глубже погружается во зле.

— Это что, — промовлял, откашливаясь, бывший арестант Бобек. — Я вспоминаю один случай, когда убийца был найден, а по доброту к нему убийство никак не могли. Только не подумайте, что это было со мною; нет, просто я с полгода прожил в том самом доме, в котором раньше сидел этот человек. Было это в Палермо, — повисил Бобек и скромно добавил: — Оказался я там из-за какого-то жалкого чеходана, который подвинулся мне под руку на пароходе, что ходит из Неаполя. Случай с убийцей мне рассказывал старший надзиратель: я

учил его играть во французский крестовый маршак и в Божье благословение. Очень благочестный человек был этот надзиратель!

Так вот, однажды ночью два фараона — в Италии они всегда ходят по двое — увидели, как по Виа Бутера, что ведет к этому срамному пристанищу, обо всех сил бежит человек. Ну, схватили они его, а у него в руке, рогос dio¹, сиречьвалентный кинжал! По-настоящему, привели его в По-литане дело, привели его в По-литане дело, привели его в По-литане дело.

Рисунки Е. Ведерникова.

другим — «Давай, малый, выкладывай, кого пропустил. Парень я и говорю: «Убил человека, а больше ничего не скажу, потому что если б сказал, то пострадали бы другие люди». Так от него ничего и не добились.

Ну, тут, конечно, сразу стали искать какой-нибудь труп, да не нашли. Тогда приказали осматривать всех покойников, о которых в те дни завалили родные. Но оказалось, все они умерли христианской смертью: кто от малярии, кто от какой-нибудь другой болезни. Тогда снова взялись за другого парня. Он сообщил, что зорует его Марко Бьядро из Кастро-диованни, а работает он подмастерьем у столяра. А еще, что нанес двадцать три христианину и убил его, но кого — не скажет. Это может принести несчастье другим людям. И все. Он только призывал на себя кару Божью и был головой об землю. Надзиратель уверял, что за всю свою жизнь не видел такого рассказ-ника.

¹ Итальянское ругательство.

Ну, значит, ведь эти полицейские не верят ни одному вашему слову... Вот они и стали говорить, что Марко никого не убил, а все врел. Пришлось послать тот кинжал в университет. Там определили, что кровь на лезвии человека и что им, должно быть, пронзили сердце. Уж, помнителю, не представляю, как это можно было узнать!

Ну, надю, что ж теперь было делать: убийца найден, а убийства нет. Как статься судить человека! Поминать, должен ведь быть состав преступления. А этот самый Марко все время только и молил, и плакал, и просил, чтобы его скорее судили и чтобы он мог искупить свой смертный грех. «Ты, рогос dio, — сказали ему, — если хочешь, чтобы тебя судили, признавайся, кого убил. Не можем же мы тебя повесить просто так, за здорово живешь. Назови кто нам, лощак чертов, каких ни на есть свидетелей». «Я сам свидетель, — кричал им Марко, — я признаю, что убил человека!» Вот ведь какая история.

Надзиратель мне говорил, что этот Марко очень уж хороший и порядочный был человек. Такого порядочного убийцы у них в тюрьме отроду не бывало. Читать он не умел, но библию всегда держал в руках, хоть и вверх ногами, и все пылал в нее. Тогда завали и подослал к нему одного добряка-пастера, чтобы он подделал его в вере, а заодно половец выведет, что и как там было. Так этот пастер, когда вышел от него, вытер платком глаза и сказал, что если Марко еще чего-нибудь не налаготит, то заслужит великое прощение, что

это душа, жаждущая справедливости. Однако, рогос разговор и слез, пастер ничего не выудил. «Пусть меня повесят — и basta, чтобы я исполнил свое страшное вину, — говорил Марко. — Должна же быть справедливость!» Так это и танюлось целых полгода: никак не могли подобрать подходящий труп.

Наконец полицейский-орудник и говорит: «Если этому Марко так уж хочется висеть, так давай свалим на него ту старуху, которую убил в Ариелле через три дня после его ареста. Ведь это просто позор: тут как убийца без трупа, а там труп без преступника. Надо бы это как-нибудь устроить. Если Марко хочет, чтобы его приговорили, так ему должно быть все равно за что, а уж мы-то для него ничего не пожелали, когда он признается, что ухлопал старуху».

Вот, значит, Марко и предложили это дело и пообещали, что тут он наверняка получит веревку и душа его обретет покой. Марко немного поколебался, а потом и говорит: «Ну нет, уж если я гублю свою душу убийством, так не прыну на нее еще и таких смертных грехов, как лопь, надувательство и лжеисповедание...» До чего праведный был человек!

Однако дальше так продолжаться не могло. Темпер в тюрьме только о том и думали, как бы избавиться от этого проклятого Марко. «Знаете, — сказали однажды надзирателю, — нельзя ли как-нибудь устроить ему побег? Судить его мы не можем: ведь это был бы срам один, а не суд. Отпустите его на свободу опять же нельзя: он сам признается в убийстве. Пусть этот сале maledetto² незаметно исчезнет».

И вы только послушайте: с этого дня Марко стави без конвоира посылать за перцем и спичками, его камеру днем и ночью была открыта настежь, сам он целыми днями бегал по костелам и по всем святым, а вечером, не встав, с вынутым языком прибавлял назад, как бы у него перед носом не залопотнул воротничок помятым. Однажды их нарочно закрыли пораньше, так он поднял телый гвалт и так в них колотил, что пришлось выпустить его в камеру!

Наконец как-то вечером надзиратель и говорит Марко: «Эй, ты, рогос maipona³, сегодня ты

² Проклятый собака (итал.).
³ Итальянское ругательство.

сплешь здесь последний раз! Если не хочешь признаваться, кого убил, так мы тебя, бандит проклятый, отсюда выставляем как-то к черту, пусть он сам тебя какает заветы.

Марко той же ночью повисел на окне своей камеры.

Знаете, пater адмирал говорил, что если кто-нибудь совершает самоубийство из-за ургунной совести, то этим тяжким грехом может себя спасти: он умирает в истинном раскаянии. Думается мне, пater был не ошибаясь в этом уверен, но, верите ли, с тех пор в той камере присутствовал дух Марко.

А было оно вот как: когда в камеру кого-нибудь заперали, то в этом человеке проснулась совесть, и он начинал сожалеть о своих поступках, раскаивался, обращался в праведника. Понятное дело, но с каждым это случалось за одно и то же время: кто совершил небольшой проступок, тот укладывался в и одну ночь, за кем числилось дельце похуже, тому надо было уже два дня — три, ну, в настоящему преступнику, чтобы «обратиться, иной раз и трех недель не хватало.

В то время там как раз сидел один английский моряк; его упекли за какое-то бесчинство и драку. Так он прямо из камеры Марко подполз на Формозо миссионером и, как я потом слышал, умер мученической смертью. Да, камера была что надо; ни один надзиратель и пальца сузить в нее не мог, как они боялись, чтобы эта благодать не снизошла, упаси боже, на них самих и не заставила раскаиваться в собственных поступках.

Как я уже говорил, я учил старшего надзирателя разным благочестивым играм. Ну и белись же он, когда проигрывал! Однажды ему шла особенно паршивая карта, и он до того раскиссел, что запер меня в камеру Марко. «Pet baso!», — орал он, — «я тебя прочую!» Ну, я лег там да и уснул.

Наутро надзиратель вымывает меня и спрашивает: «Ну как, обратился? А? И ничего не знаю, господни комендант, — говорю я ему, — я спал, как сурок». «Ну, так марш обратно!»

А прощам, чего там долго рассказывать: я прощад в этой камере три недели и хоть бы что:

ло. Долгие часы выдерживали заключенных, казнокорды и вообще все, что делает крупные деньги.

Лучше всего камера действовала в годовщину смерти Марко. Так они там, в Палермо, устроили из нее этакое исправительное средство, понимаете? Заперли туда арестантов, чтобы они раскаивались в своих поступках и обращались. Да ведь известно, у некоторых в полноте протекция, а иные из этих мерзавцев-франко к тому же еще нуждаются. Так в камеру, понятное дело, сажали не всякого, кое-кого оставляли необращенными. Уж надо полагать, жулики покупные давали им немалые взятки, чтобы только не попасть в чудотворную камеру...

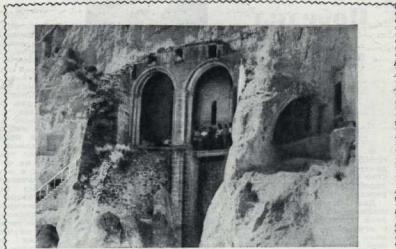
В чудесах ведь тоже не очень-то много честности. Все это мне рассказал тот надзиратель в Палермо, а коллегам, что отбывали срок, подтвердили.

никакого раскаяния не почувствовал. Надзиратель сначала только ходил и качал головой, а потом и говорит: «Вы, чеки, должны быть, страшные безбожники или еретики, коих не все даже это несколько не действует».

И, понимаете ли, какая штука! С тех пор камера Марко вообще перестала действовать: кого туда ни пихали, они не обращались ни на грехи. Одним словом, перестало действовать, да и только. Господи Иисусе, какой же тут поднялся галдеж! В дирекцию меня распекали на все корки за то, что я им где-то там что-то испортил. Я только пледами пожимал: ну, скажите, как я мог это сделать, а? Так нет, мне все же дали трое суток темной, будто я и впрямь испортил эту камеру.

Перевод с чешского
Ф. УКРАИНСКОГО.

1 Итальянское ругательство.

ПЕНЕРЬНЫЙ ГОРОД ВАРДЗИЯ

Если выехать на машине из Тбилиси рано утром, то в полдень можно достичь небольшого пограничного городка Ахалцихе. Оттуда, свернув еще южнее и приближаясь почти к самой турецкой границе, дорога бежит по правому берегу грузинской Волги — реки Курь. Часа через два подъедем, поворотом и спуском, мимова сады ореховых деревьев, вы попадете в долину Корсатале.

Внизу прозрачная быстрая река бежит, спотыкаясь о бесконечные камни. Над ней возвышается отвесная скала, в которой на высоте 105 метров высечен пещерный город. Издали кажется, будто кто-то несильно раз «прошил» из пулемета гуд: слышишь: так ровно, в восемь прусов, тынуты сотни разнонаправленных пещер. Только в одной восточной части этого полукилометрового пояса до наших дней сохранились 242 пещеры. Это и есть знаменитая Вардзия — крепость-монастырь, интереснейший памятник XII века.

В Вардзию начал строить еще Георгий, но не закончил: великая же Тамара, закончив строительство крепости, украсила ее алесками...

рассказывает историк царицы Тамары.

Закончив строительство пещерного ансамбля, Тамара украсила его храмом, основная часть которого высечена в скале. Стены храма сохранили замечательные фрески, описанные живописцем Георгием. Статьи, благодаря этому неизвестному Георгию можно точно определить даты строительства Вардзии. Дело в том, что изобразил царицу Тамару в головной уборе немолодой грузинки. Значит, строительство храма, последнего сооружения Вардзии, было закончено после смерти Георгия XII и до замужества Тамары, то есть в 1184—1186 годах.

Летописцы рассказывают об интересном о мнении этого пещерного монастыря-крепости. Два раза царица Тамара собирала свое войско у стен Вардзии для битвы с нападшими врагами. Отсюда же она отправила грузинскую армию в успешный поход на Персию...

Хотя икона вардзийской богородицы и считалась «дарующей победу», в 1552 году Вардзия была взята войсками иранского шаха Тахмаспа. Грузины долго сопротивлялись, уничтожив большое количество осаждавших, но противник прорин в одну часть крепости, и местная битва завязалась в самых пещерах. Войска шаха сумели захватить Вардзию еще и потому, что она сильно по-

страдала от большого землетрясения 1283 года. В восточной части ее находится ущелье Сагалато хеви. Именно вблизи него проходил большой владарийский туннель с провалившимися в этом месте сводами. Несмотря у туннеля — гитриотис переходить из Сага-

Портрет царицы Тамары в пещерном храме (фреска).

лато хевы в туннеле. Да и само название «Сагалато хеви» («Ущелье измены») заставляет думать, что именно отсюда проникли вражеские войска.

Разрушенная Вардзия так и не сумела оправиться: вскоре эта область Грузии была захвачена турками.

Остатки вардзийские пещеры долго служили убежищем пастухам и разбойникам. Деревянные части — двери, окна, мебель — шили на топливо. Роспись на стенах храма покорялась потопам и была повреждена ружейной стрельбой, подарила саблины и кинжалы.

Только при Советской власти на Вардзию обратили внимание. Сначала здесь основали туристическую базу, а позднее и музей.

«Много интересного в Вардзии: пещера царицы Тамары, древние выходящие ни и конюшни, потайной ход в восточное крыло... Но, как говорит древний летописец по эту замечательную пещерный ансамбль, «раскажут все нет возможности, если кто медает знак, пусть повидает...».

С. МИХАЙЛОВА

Победил Михаил Таль

В соревнованиях восьми гроссмейстеров — претендентов на мировую первенство победу одержал молодой советский шахматист римлянин Михаил Таль.

Два месяца боролся шахматного искусства во всех уголках земного шара с огромным интересом следили за ходом захватывающей борьбы прославленные гроссмейстеры.

В первые дни соревнования обстановка сложилась так, что лидером стал советский мастер Петр Петросян. Но вскоре его перепал Пауль Керес, который выиграл победитель в первой половине турнира. Во второй половине же лидеры вырвался Михаил Таль. На финише возникла резкая по раскату дуэль между Кересом и Талем.

Первое место с отличным результатом — 20 очков из 28 возможных — также досталось Михаилу Талю. С разгромным счетом он одержал победу над соперниками других стран: в шесть матчей партиях против Гингорича, Фишера, Олафссона и Бенно советский гроссмейстер набрал 14½ очка. В последнюю партию Таль сыграл довольно скромно — партия с чемпионом, немцем Кересом и Петросяном он набрал всего 3½ из 12.

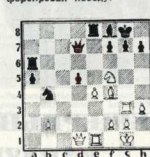
Минувшая неделя турнира — под тактикой лозунгов борьбы за чемпионство встречи Михаил Таль и Таль смелый метод явил оправдал себя — по крайней мере в данной соревновании.

Постояне бившей была игра Паули Кереса. В творческом отношении талантливо оказался выше всех своих соперников, хотя он намного старше по возрасту других.

В 43 года нелегко быть шахматистом. Борьбу за чемпионство молодежи! Небезынтересно отметить, что Керес оказался единственным, кто нанес поражение Талю, да еще со счетом 3:1! Пауль Керес, набрав 18½ очков, занял второе место и завоевал право участвовать в следующем турнире претендентов, который состоится три года спустя в Кюрасао (Голландская Вест-Индия).

В № 21 «Смена» мы привели интересное окончание партии, которую выиграл у Гингорича. Сейчас мы предлагаем вниманию читателей финальную партию Кереса с Гингоричем, в которой советский гроссмейстер

стер изящной мертвой ладью форсировал победу.

Позиция, которую вы видите на диаграмме, создавалась после 26 ходов. Белыми играл Керес, черными Гингорич. Последовало: 27. Л:е7-Н1 С:г7-В8, 28. Ф:е1-Г5 29. Ф:Г5-Л6 30. Ф:д7-Л6 31. Л:е3-д2 32. Л:д3-Л:е3 33. Ф:д4-Л:е6 34. Ф:е4-Л:е3 35. К:С6-В6 36. Л:д3-Л:е6 37. Ф:с4-Л:е6 38. Л:е3-Л:е6 39. С:д1-В2. Игры черные сдались.

После принародного старта Уничтожительно комбинационно провела ряд партий москвич Тигран Петросян. Он занял третье место, набрав 15½ очков. Правда, в партии Петросян — эстонка, афинская победа над Кересом с мертвой ферзя и ладью. Еще до начала турнира очень высоко расценивали шансы экс-чемпиона мира

Василия Смыслова. Но Мюнхенский гроссмейстер не оправдал для многочисленных почитателей его многого дарования оказался в плохой спортивной форме.

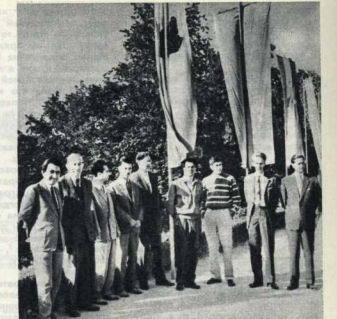
Смыслов не допустил стабильной игры. В большинстве случаев, особенно в партиях одного этого турнира. Стоило лишь вспомнить его две последние встречи с Талем: у экс-чемпиона было бы лишнее слово, а он набрал в этих партиях всего пол-очка. Но все же отдельные встречи Смыслов провёл превосходно. Он выиграл на четвертом месте, набрав в итоге 15 очков.

Зачастую Смыслов можно было ожидать от Савезатора Гингорича. А в последние дни чемпион Югославия, нан и Петросян, играл весьма слабо, во многих случаях избегал творческих экспериментов иaddock голландца, не желая обычно, допускать серьезные просчеты.

Гингоричу удалось лишь блеснуть «под занавес» турнира — выиграл у Смыслова короткую партию в 19 ходов. У Гингорича, разделившего пятое и шестое места с Фишером, 12½ очков.

Крошечный швейцарский турнир претендентов для шестнадцатилетнего чемпиона США Роберта Фишера. Этот талантливый юноша обладал оригинальным конструктивным стилем игры. Но у Фишера есть еще существенные недостатки: он подчас эуно и примитивно разгрызывает дебюты, порой недооценивает противника.

Есть еще основания полагать, что Фишер через некоторое время станет весьма опасным соперником. Турнир показал, что Фридрих Олафссон (Исландия) и Пал Бенно (США) заметно уступают в мастерстве остальным шест претендентам. Несмотря на все достоинства и в некоторых встречах, они замкнули турнирную таблицу.

На снимке (слева направо) участники матч-турнира претендентов на первенство мира по шахматам: Т. Петросян, Г. Големберг (главный арбитр), М. Таль, С. Гингорич, В. Смыслов, П. Бенно, Р. Фишер, Ф. Олафссон и П. Керес.

он оказался седьмым, а Бенно — восьмым.

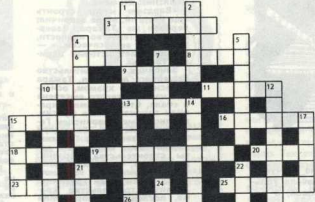
Кто победит в предстоящем первенстве мира? Ответим или Таль? Отныне этот вопрос будет волновать шахматистов всего мира. С одной стороны, мы видим лидера советской шахматной школы, чемпиона мира, многократного победителя крупнейших турниров, который уже в четверть века выступает на международном шахматном арене. С другой стороны, нам хорошо известен и его будущий противник, который всего лишь

три года назад впервые блеснул своим необычайно ярким талантом. Хочется еще и этому добавить, что победитель турнира претендентов молодое чемпионом мира на 25 лет!

Матч на первенство мира между Михаилом Ботвинником и Михаилом Талем состоится весной 1960 года в Москве. Во дни открытия этого знаменательного поединка — 3 марта — будет отмечаться день шахматной культуры. Мастер ВИН ЛЮБЛИНСКИЙ

КРОССВОРД «ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ»

Составил А. Жуков (г. Новосибирск)

на восточном побережье Средиземного моря. 10. Река на Камчатке. 11. Озеро в Южной Африке. 12. Озеро в Великих озерах Северной Америки. 13. Нидерландский мореплаватель XVII века, открывший в Тихом океане ряд островов. 14. Базилика имени географических координат. 15. Промышленный район в Туркмении. 16. Государство в Центральной Америке. 20. Название нескольких горных рек в Средней Азии и на Кавказе. 23. Советская искусственная земная поверхность. 25. Советская искусственная земная станция. 26. Штат в США, который посетил Д. Хрущев. 27. Приток Амазонки. 28. Приток Иртыша. 29. Остров в Эфиопии. 30. Паром. 31. Индоевропейская племя в Южной Америке. 32. Советский ученый, исследователь Аргентины. 33. Горная система в Европе.

На первой странице обложки: Студенты 2-го курса географического факультета Московского университета Ленинского сельхозинженерной академии и аспиранты МГУ А. Тимирязев, Михаил Цыганов и Юлия Паниратова в лаборатории на практических занятиях. Фото М. Муравова.

На четвертой странице обложки: Останки неолита. Фото Г. Зельма.

По горизонтали: 3. Известный советский геолог и географ, автор научно-приключенческих книг.

Зам. главного редактора И. Г. Зюнов.

Оформление С. Спасского.

Рукописи не возвращаются.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. ТЕЛЕФОНЫ: Секретариат — Д 3-34-24. Отделы — литературы и искусства — Д 3-35-24. Очерка и публицистика — Д 3-31-68, информация и спорт — Д 36-80.

А 08851. Подписано к печати 14/ХИ 1959 г. Тираж 450 000 экз. Изд. № 1899. Заказ 2586.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Формат бумаги 70x109мм, 1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

По вертикали: 1. Причина. 2. Юстиция. 3. Штат. 4. Колумбия. 5. Гуратер. 7. Варанг. 10. Нейростроение. 11. Палеонтология. 15. Находка. 17. Ветония. 18. Магнит. 19. Палеонтология. 25. Врубель. 28. Макрель. 29. Радость. 32. Куца. 33. Кедр.

Редакция: Г. Гуля, Е. Домогавский, Н. Жуков, М. Лукин.

Технический редактор О. Шваб.

Д-3-34-24. Отделы — литературы и искусства — Д 3-35-24. Оформление — Д 3-34-22.

ЕСЛИ ТЫ ДУШОЮ СМЕЛ...

Слова М. КУСУРГАШЕВА.

Музыка В. МЕЩЕРИНА.

Словно улей, оживает
Наша стройка по утрам,
И приветливо кивает
Мне стрелой высотный кран.
Выше, выше с каждым днем
Поднимается наш дом,
И деревья молодые
Шелестят листвою кругом!

Все здесь близко и знакомо,
Хорошо известно мне,
И хозяйничать, как дома,
Я привыкла в вышине.

Над моею головой
Облака летят гурьбой,
И косынку развевает
Свежий ветер озорной.

Даже птицы осторожно
Здесь садятся не карниза,
На любого перня можно
Посмотреть мне сверху вниз.
Если ты душою смел,
Если любовь в ушах,
Для тебя на нашей стройке
Интересных хватит дел!

Moderato

trp
Словно

у_лей, о_жи_ва_ет на_ша стро_йка у_трам, и_привет_ливо ки_ва_ет мне стр_ел_е

«_лой» вы_сот_ный кран. Вы_ше, вы_ше с ка_ждым д_нем по_дним_а_ет_ся наш

дом, и_де_ре_вца мо_лоды_е шел_естят ли_ствою_кругом. з_десь ар_esia

«Для подстрочника»

«Для оконченья»

рес_ных хват_ит дел, ин_те рес_ных хват_ит дел!

The image shows a musical score for the song 'Если ты душою смел...'. It includes a piano introduction in Moderato, followed by the vocal melody and piano accompaniment. The lyrics are written in Russian. The score is presented on a white background with black musical notation and text. The background of the entire page is a black and white photograph of a construction site with a large crane and a building under construction.

Цена номера
2 руб.

